

СМЕНА

СИГНАЛЬНЫЙ

23

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЖИГУЛЕВСКАЯ ТРОПИНКА

Песня для голоса и хора с баяном

Слова В. АЛФЕРОВА

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО

Мы с тобой идем по тропинке,
Перед нами разливы реки.
На уютой белокорой косынке,
Нам живые, цветут васильки.

В эту пору светло и легко нам,
Мы встретим над Волгой зарю...
Я насасю цветов васильковых
И любимой своей говорю:

Постойм, дорогой, невозможно,
Даль речная светла и ласка.
Где пылыли степные дощечки,
Вьет о берег морская волна.

И по тихим, бескрайним просторам
Расцвела по-весеннему новь,
И такой же глубокой, как море,
Стала наша с тобой любовь.

Волны сирили родную тропинку,
Мы по ней не пройдем вдоль реки.

Подари мне на память косынку,
На которой цветут васильки.
г. Куйбышев.

Тепло, задумчиво

Музыкальная партитура для голоса и баяна. Включает вокальную партию и баянную партию. Музыка написана в тональности G-бемоль мажор, 2/4 такта. В начале партитуры указаны темп и настроение: 'Тепло, задумчиво'. В тексте песни присутствуют динамические пометки: 'mf' и 'p'. В конце партитуры есть пометка: 'в последнем такте для оркестровки'.

ЗАКОН, ПО КОТОРОМУ СЧАСТЬЕ ПРИХОДИТ

Конституция Советского Союза! На баррикадах Октября, в грозных сражениях гражданской войны, на лесах новостроек коммунизма завоевано советскими людьми право жить и трудиться под лучами нашей Конституции.

Впервые в истории человечества Конституция Советского Союза не только провозгласила, но и обеспечила подлинную свободу и равноправие всех трудящихся нашей Родины, их право на труд, на образование, на отдых, материальное обеспечение в старости, их обязанность беречь, как зеницу ока, нашу социалистическую Отчизну.

Великой заботой о человеке проникнута каждая строка Советской Конституции. Эту заботу постоянно ощущают и наши вождь и вождь. Ито бы ты ни был, где бы ты ни жил, все пути перед тобой открыты. Самая смелая, самая дерзновенная мечта осуществима в нашей стране. Партия и Советское правительство делают все для того, чтобы жизнь миллионов была счастливой и радостной.

Десять лет прошло с того времени, когда была принята самая демократическая в мире Советская Конституция. За эти годы наш народ добился огромных успехов в коммунистическом строительстве.

Великие права, гарантированные Конституцией, преобразили нашего человека, сделали его гордым за свою чудесную Родину, честным, правдивым, готовым на беспримерные подвиги во имя победы коммунизма. Ярким доказательством тому явилась беспримерная победа нашего народа над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Сейчас, вдохновенный историческими решениями XX съезда родной Коммунистической партии, советский народ смело идет вперед, и сияющим вершинам коммунизма.

На снимках: вверху — тысячи юношей и девушек учатся в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. В хорошо оборудованных лабораториях, в светлых, просторных аудиториях они овладевают высшей наукой.

Внизу — студенты Энергетического института часто проводят каникулы в своем доме отдыха, расположенном в одном из живописных уголков Подмосковья.

Справа — в маршевом цехе Уралмашзавода. Сталь пошла!

Фото Г. Борисова и М. Грачева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь. № 23. 1956 год.

Год
издания
33-й

ПОБЕДА СЛАВНАЯ, ДОБЛЕСТНАЯ

15-ЛЕТНЕ РАЗГРОМА НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ ПОД МОСКВОЙ

был парад советских войск. Сия примета не обманала ничего хорошего для оккупантов.

Бредовые видения победы сводила их с ума, и они наращивали Удар.

Ночное небо над столицей походило на какую-то дьявольскую кузницу: горели мириады всплехот от зенитных снарядов, лучи прожекторов качались в тучах; казалась, что кто-то падает там гигантское небесное поле боя, что и там окопы. А внизу, на земле, все грохотало и содрогалось. Из лесов длеся на фашистов огонь артиллерии, со страшным шипением вырвались лавины пламени: минометы «РС» вели стрельбу десятками полков одновременно.

Где тыл, где передний край, трудно отличить.

Тыл и фронт — одно целое, народ и армия слили свои сердца в одно сердце. И у этой несоборной страды советских людей был испытанный штаб — Коммунистическая партия, было победоносное знамя — знамя Ленина. Социалистическая страна обр-

шила на немецких захватчиков страшную кару.

Наступление советских войск началось 6 декабря.

Сила удара была сокрушительной. Бесчисленные фашистские полчища и нагромождения немецкой техники, почти обложившие Москву, оказались парализованы в первый же день, расчленены, рассеяны, разбросаны, как ураганом. едва ли они понимали, что произошло. На них обрушились сталь, огонь, свинец; обрушивалось само небо, жгла сама земля. И поехали прочь коринфские орудия. Они гибли под огнем, застрелили в глубоких снегах; гибли в лесах поляки и дивизии, бросая свое чудовищное снаряжение. Куда бы ни кинулись они, всюду наступала их смерть.

В одном направлении дороги были завалены пылающей вражеской техникой, и корчовалась сраная поляна по полям и там, растлвлася, гибли под огнем. В другом направлении леса оказались забиты живой силой и техникой. Гитлеровцы отступали. У них не хватало транспорта, и

1941 год, декабрь.

Стужа, морозы до тридцати градусов.

Ни на минуту нет передышки: жестокие бои кипят в подмосковных лесах, на дорогах, у самого сердца Родины — Москвы.

Столица сурова — в панцире и латах; окна нижних этажей замурованы, всюду сторожкие глаза бойины, улицы перекрыты баррикадами. На западных окраинах, куда бы ни пал взор, всюду люди добили землю: женщины, старики, подростки рыли окопы и траншеи, опутывали леса проволокой; бетонщики строили доты.

Тут же горели костры. Дети разносили горячую воду работающим.

Всепородная ратная страдал! Каждый камень говорил языком 1812 года:

А мы гости встретим среди пути.
А мы столицы ему поставим — тушки медные.
А мы скатерти ему поставим — валковую нагретую!

Советские войска занимали рубежи, подготовленные тружущими-

ся Москвы. — рубежи крепчайшие, с окопами и полевой рощ, затопленными устанными соломой, забитыми замаскированными. Тут, на этих рубежах, предстояло выстоять: велика Советская страна, а отступать некуда — за плечами Москва!.. Трудно. Напряжение казалось невыносимым. Немецкие фашисты били изо всех сил, были иступленны, шли даже в штыковую атаку, чего небыло вконец в других местах.

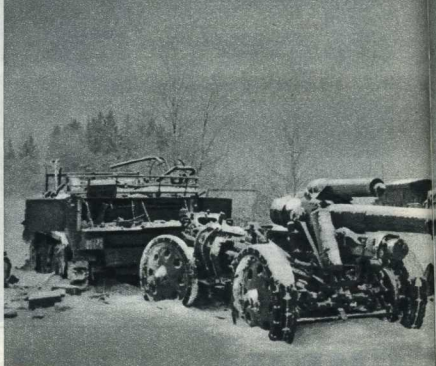
А тут им казалось, что каравай победы уже наполовину у них во рту.

«Мы видим Кремль!» — объявляли они в многочисленных газетах гитлеровской Германии. — В бинюль ясно просматривается Иван Великий!»

И у фашистов текли волчки слюны.

Между тем были уже приметны, роковые приметы: еще в начале ноября Гитлер назначил парад своих войск на Красной площади и определил день парада — 7 ноября; и парад состоялся на той площади, и действительно 7 ноября, но только, разумеется, это

Фото О. Кноррига и Н. Шагина.

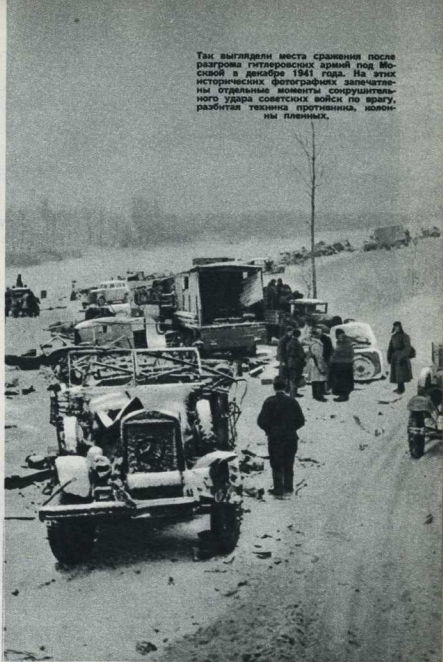

за автомашинами на буксире тянулись вагны и корыта, а в тех вагнах и корытах сидели «сверхчеловеки великой Германии», закутанные в бабы платки. Эти невообразимые поезда тоже приходили к своей черте. В направлении Тулы пылала немецкая броня — горела танковая армия Гудеряна, что охватила было Тулу кольцом. То был единственный в своем роде случай гибели брони — горели танки целой армии. Потрясающее зрелище! Пробиваясь через эти пылающие железные корыта, советские войска шли вперед.

В те дни Гитлер был близок к умопомешательству; он не верил в происшедшее и думал, что это сновидение, кошмар. А когда он пришел в себя, то фронт его армии уже откатился от Москвы на громадное расстояние, усеяв путь отступления трупами и техникой лучших фашистских соединений.

Гитлер признал впоследствии, что в декабре 1941 года немецкая армия была на волоске и что лишь немного недоставало тогда для гибели всей фашистской империи.

Таким был разгром немецких фашистов под Москвой.

Так выглядели места сражений после разгрома гитлеровских армий под Москвой в декабре 1941 года. На этих исторических фотографических запечатлени отдельных моментов сокрушительного удара советских войск по врагу, разбитая техника, противотанковые, колесные плетения.

Урок этот вечный. Нельзя забывать о нем ни нам, ни нашим друзьям, ни нашим недругам. Для всех он важен по-своему. Но, бесспорно, декабрь 1941 года под Москвой показал всему миру, как сила социалистическая сокрушила

другую силу — фашистскую, ту силу, перед которой преклонялись тогда великие страны Европы. Можно ли забывать такое? Будем же помнить уроки жизни!

В. АРСЕНЬЕВ

Георгий ОСИПОВ

ЛЮДИ С ОСТРОВА АРТЕМА

Фото А. Моклецова
и С. Кулишова.

На вышке Якуб Алиев чувствует себя как дома. Все ему здесь знакомо и дорого.

как музейная редкость сохранился старинный колодец, из которого нефть черпали деревянной бадьей.

В годы пятилеток этот остров, названный в славный именинн Болшеванка Артема, преобразился до неузнаваемости. Теперь это даже не остров, а полуостров, так как широкая дамба с автомобильной трассой и электрической «железной дорогой» связывает его с Апшероном. Здесь раскинулся современный городок с красивыми жилыми домами, школами, больницей, универмагом, Дворцом культуры. Тут есть электричество, радио, водопровод, газ, телефон. Остров с его самыми современными промыслами стал как бы продолжением Баку, одним из его городских районов.

Смелые разведчики недр стали уходить все дальше и дальше от берега. Постепенно стальные островки протянулись почти до самых дальних морских промыслов на Нефтяных камнях. Здесь, вблизи от острова Артема, пробурили свои первые морские скважины пионеры дальней морской разведки.

В «КАБИНЕТЕ» МАСТЕРА АЛИЕВА

Мы сидим на веранде, обвитой зеленым вьюном, а кругом плещется море. Это рабочий кабинет Якуба Алиева — мастера добычи нефти одного из морских промыслов.

В углу поблескивает стеклами шкаф с книгами и журналами. Рядом, на столике, стоит радиоприемник. Живые цветы, музыка — все, что украшает быт людей, пришло в открытое море вместе с могучей советской техникой. Нам не раз доводилось видеть, как вместе с оборудованием выгружались ящики с землей и саженцы скверки.

Имя Якуба Алиева все чаще появляется на страницах газет. О нем говорят, как о новаторе и заботливом учителе молодежи. Пять тысяч тонн нефти, добытые

ТАМ, ГДЕ ОБИТАЛИ ПИРАТЫ

Когда-то этот остров, вытянувшийся, словно рыбий хвост, напротив Апшеронского полуострова, называли «Пиратскими»: здесь находили убежище морские разбойники, совершавшие набеги на мирные азербайджанские селения, раскинувшиеся вдоль побережья Апшерона.

Лет семьдесят назад на песчаных отмелях острова была найдена нефть. Некий завезший аптекарь с иностранной фамилией организовал там кустарные предприятия по производству парафина и осветительных масел. А позже сюда хлынули промышленники и поставили первые вышки.

На острове в те годы не было ни воды, ни зеленых насаждений. Люди ютились в низеньких казармах, получали за свой адский труд на частных предприятиях 40 копеек в день. Единственным средством сообщения с материком служила лодка. До сих пор здесь

Люди работают шесть часов подряд, без отдыха...

сверх плана в течение одиннадцати месяцев этого года, уже записаны на лицевой счет его бригады. Но мастер не хочет довольствоваться достигнутым. Он считает, что не все резервы использованы, что при умелой эксплуатации каждая скважина может давать значительно больше нефти.

— Еще недавно, — говорит Алиев, — майской морских нефтяников было ставить стальные основания вышек на участках моря глубиной пять — десять метров. Ныне стальные «табуретки» вышек ставятся на глубине до двадцати пяти метров.

С увеличением рассказывает мастер о замечательном будущем морских промыслах. Сооружаются новые резервуарные парки и нефтесборные пункты. С переходом на большие акватории Кас-

пийского моря фактически стал одним из районов Яку. С торжественным его связывает дамба, которая видна на этом снимке.

пия возникает вопрос о новых конструкциях астанд и стальных островков в открытом море. Шестая пятилетка предусматривает значительное увеличение добычи нефти и газа в Азербайджане, особенно в открытом море.

Сложные обязанности у мастера нефти. Свыше двадцати скважин, добрая половина из которых разбросана на отдельных стальных островках, требуют постоянного внимания и ухода. Операторы, специалисты подземного ремонта и надземного оборудования, регулировщики — каждый ждет от мастера всякого слова, совета, помощи. Еду в течение дня надо посылать на каждом островке, лично проверить режим работы скважин и воздушно-распределительного пункта, поинтересоваться давлением пластов. Он также отвечает за работу насоса и сборных пунктов, за перекачку нефти по трубопроводам.

— У моря капризный характер, — говорит с улыбкой Якуб Алиев. — Иногда задерживаемся на буровой по несколько суток, особенно в осенние и зимние штормовые дни.

Вдур с астанды раздается голос вахтенного оператора Михаила Мухомова:

— Товарищ Алиев! На двух островках колеблется давление. Капризничает скважина...

— Мой рабочий день начался, — замечает Алиев, перелистывая дневник, в котором записаны «капризы» и «сигналы» каждой скважины. После короткой паузы он говорит вахтенному оператору: — Возьмите с собой людей, необходимо поднять трубы второго ряда колонны и промазать промывку. Должно быть, на забое осела песчаная пробка. А на вторую скважину я сам отправлюсь.

— Есть! — И оператор спешит выполнить полученное распоряжение.

НА СТАЛЬНЫХ ОСТРОВОКАХ

Маленький бухтовый баркас везет мастера к стальному островку. У швартовой площадки Якуб Алиев ловко хватается за поручни и в одно мгновение взбирается на деревянный настил. Помощник мастера по добыче Асау Мамедов докладывает Алиеву о состо-

...Вместе со всеми за работу взялся и Якуб Алиев.

новку: скважина вместо нефти стала выбрасывать воду. Когда промазали зальку фильтра забоя цементом и вновь «протрелили» скважину, буровая начала «адить» и зафонтировалась. Однако спустя несколько часов подача нефти прекратилась...

Сбросив с себя куртку, мастер сам взялся за дело. Операторы четко, без спешки выполняют каждое его распоряжение.

— Штуцер забит песком... сплужкой заклинил Алиев. — Попробуем перевернуть скважину на вторую струну.

Но это не помогло: песок вновь и вновь забивал штуцера. Люди работали без отдыха целых шесть часов. Они хорошо знали характер своего бригадира: он успокоится только тогда, когда все скважины будут действовать на отличном режиме...

И вот наконец из скважины забилась нефть! Лифт мастера сразу провисло, повеселев. С чувством благодарности пожал он руки своим товарищам.

Пока люди возились у скважины, на море поднялся сильный ветер, и катер уже не мог вплотную подойти к швартовой площадке, чтобы отвести мастера на другой островок.

— А ведь нам обязательно еще надо побывать на сто четырнадцать, — сказал Якуб Алиев.

Подойдя к краю площадки, нефтяник измерил взглядом рас-

стояние до катера и один за другим смело прыгнул на борт.

Добравшись до следующего островка, Алиев и его помощники неторопливо принялись за проверку скважины.

«В любую погоду работать в море, как на суше!» Этот лозунг, выданный бригадой Якуба Алиева, получил широкое распространение на всех нефтепромыслах Каспия.

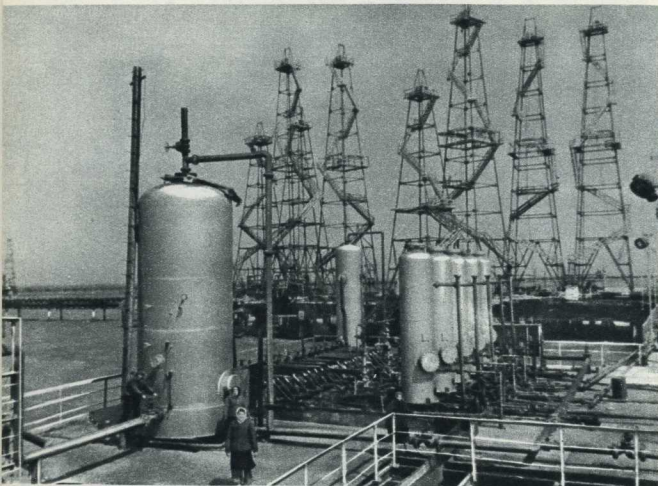
В ШТОРМОВУЮ ПОГОДУ

Бушует свирепый шторм. Но, несмотря на это, от пристани острова Артема отваливают катера. Один, другой, третий... Они поднимаются над волнами и быстро исчезают в море.

Недалеко от берега стоит небольшой домик с высокой мачтой на крыше. Это радиостанция. С многочисленных стальных островков сюда поступают сведения о работе буровых и промысловых бригад, о нуждах сменных вахт.

На участке объявлен аврал, — сообщает диспетчер: — восьмилитровым ветром обрана воздушная электростанция, питающая группу стальных островков. Остановилась работа нескольких скважин. В море вышла бригада добровольцев во главе с мастером Якубом Алиевым.

Далеко в море на высоких железных столбах-сваях подвешена

Нефтеоборный пункт бригады Якуба Алиева.

эта линия. Нет электроэнергии — нет жизни на буровых: гаснут огоньки на вышках, остываются моторы, прекращается подача промысловой нефти из скважин.

...Катер бросает из стороны в сторону. В вышках разное количество, в брезентовых плащах и капюшонах стоят нефтяники на мокрой палубе, пристально всматриваясь в кипящую морскую даль.

Вот место обрыва. Люди быстро срывают концы обрванного провода. Но предост еще водворить провод на скользящий железный столб, вокруг которого бегутся волны. Катер разворачивается и, лавируя, чтобы корпус не ударился о столб, несколько раз безуспешно пытается подойти к нему с подветренной стороны. Наконец, выбора удобный момент, один из добровольцев бросается с качающейся кормы на столб, карабкается по нему и подвешивает провод. Едва человек успевает спрыгнуть на палубу, как на стальных островках вспыхивает яркое огни...

Сто минут продолжалась борьба смельчачко со стихией, сто напряженных минут! И опять заработали умиленные моторы и насосы.

Морские нефтяники знают капризы неспокойного Каспия и умеют побеждать стихию. Однажды метеорологическая станция сообщила, что ветер к ночи усилится. Но именно в эту ночь с одной из скважин, расположенной в нескольких километрах от эстакады, срочно потребовался для ремонта промысловые трубы. В обычные дни такие трубы подвозят на киржах — сдвоенных деревянных баржах, — но в штормовую по-

ду киржи не могут выходить в море.

— Снарядите катер и обязательно доставьте на островок трубы, — приказал Якуб Алиев своему помощнику Мамедову.

Требовалось доставить сто тридцать семиметровых труб. Пять рейсов пришлось сделать суденышку. Пришло ажескудно быть смытыми волной, ремонтники подавали на швартовую площадку стального острова все новые и новые партии труб.

Скважина была отремонтрована в ту же ночь.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ СКВАЖИНЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ»

Якуб Алиев ведет нас по участку острова, знаком с людьми. Здесь он как дома.

Около одной из вышек собралась группа молодых людей. Инструктор-наставник в синей спецодежде неторопливо разъясняет им схему устройства вышки, работу различных аппаратов и механизмов. Объясняя, он тут же демонстрирует работу механизмов и аппаратов. Молодежь внимательно слушает инструктора, следит за каждым его движением.

— Это учебная буровая, — поясняет Алиев. — Здесь проходит практику все новички.

Идем дальше. На одном из участков промысла видна надпись: «Комсомольская».

Мы узнали интересную историю этой скважины. Несколько лет назад она неожиданно прекратила подачу нефти, и ее забросили. Комсомольцы решили своими силами восстановить старую, бездействующую скважину.

Прежде чем приступить к осуществлению задуманного, молодые рабочие посоветовались со

старшим геологом и инженерами-подземниками. Затем были собраны трубы, штенгельная труба, слесари установили арматуру на устье забросенной скважины, операторы проложили воздушную и выкидную линии, специалисты подванного ремонта спустили трубы. Пришлось потрудиться два воскресенья, прежде чем из штенгера к замерной установке устремился нефтяной поток.

— Успех окрылил молодых рабочих, — продолжает рассказывать Алиев. — Они смело приступили к «оживлению» и других забросенных скважин.

Вечером, отдав последние распоряжения своим помощникам, Якуб Алиев отправился в районный Дворец культуры, где его уже ждали конюхи и девушки — выпускники десяти класса средней школы. Кто лучше, чем он, может рассказать молодым людям, вступающим в жизнь, о нефти, о ее роли в жизни страны, о романтике, которой наполнены трудовые будни нефтяников Каспия!

...Ярко горят люстры. Сотни глаз устремлены на трибуну, на худощавого человека с тонкими чертами лица и большими рабочими руками. По просьбе присутствующих Якуб Алиев начинает со своей биографии. Он воспитанник Ленинского комсомола, четыре года назад вступил в ряды Коммунистической Партии. Не так давно был простым оператором; многому научил его опытный мастер Федор Федорович Вершин, а теперь он сам руководит большим участком.

— Выход нефтяников на морские просторы, — говорит мастер, — открывает перед нами самые заманчивые перспективы. В шестой пятилетке из-под дна Каспия будут добыты миллионы тонн паросортного горючего...

Молодые люди внимательно слушают знатного нефтяника. Перед их мысленным взором возникают сказочные города в море, все новые и новые острова на стали, незбылемо стоящие среди штормовых волн Каспия. Возникают героические эпизоды из жизни отважных людей с острова Артема...

Юноши и девушки, увлеченные рассказом мастера Якуба Алиева, мечтают о будущем, уносят мысли в открытое море, где люди добывают нефть для Родины. Да, мастер прав. Это трудная, опасная, но романтическая профессия.

По окнам Дворца культуры просачивается неспокойное Каспийское море. Оно любит смелых, пытливых, преданных своему делу людей.

Остров Артем,
Азербайджанская ССР.

Георгий ФЕРЕ

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ

Самолет развернулся и прошел, уходя, над нами; поплыли назад ледяные поля, а там впереди — материк за снегами, там Большая Земля.

А у нас? Значит, у нас небольшая?... Какая земля тут? Конечно, малая! Но это не важно, земля какая, важно, чтоб жизнь болельского была! Быть коммунистом —

значит быть со всем планетой! И чувствовать тепло руки, рабочей, мохлястой, братской руки, расстоянием вопреки,

вопреки океанам, разделяющим материк! ...Все измерит квадратными метрами только круглые дураки.

о. Диксон.

КАПРИЗ

Рассказ

Дверь за Константином Петровичем захлопнулась; шаг, замедляясь, прозвучал на лестничной клетке.

Нина подбежала к окну. Лицо ее, только что пылавшее румянцем, побледнело, сердце стучало так, что она машинально прижимала руки к груди, словно желая удержать его. Вот все и кончилось! А что, собственно, было? В памяти она за другой возникли картины недавнего прошлого.

«Жаркий летний день. Она, студентка факультета журналистики, а в данный момент корреспондент областной газеты, мчится на грузовике по пыльной дороге. Немолодородно трясет на выбоинах, от запаха бензина поднимается тошнота, и все-таки Нине очень весело и она полна радостных ожиданий. Наконец-то вырвалась в долгожданную командировку! Редактор отпустил на целую неделю. «Посмотрите, — говорит, — жизнь и постарайтесь сделать хороший очерк».

Нина волновалась. Прошлогоднюю практику она проходила в заводской многоотраслевой, жизнь села знала плохо. Получится ли что-нибудь из нее?

Бескрайние поля спелой ржи колыхались вокруг. Небо опрокнулось над ними горячим синим пламенем. Впереди виднеется лес, и Нине хочется окузаться в его зеленую прохладу. Но машина круто сворачивает направо, и жары как будто еще усиливается. Теперь по обеим сторонам дороги тянутся поля кукурузы.

— Видели? — кивает шофер. — А думали, не выростет. Обратите внимание, товарищ корреспондент, это вот начинается участки известного колхоза «Красное знамя».

Обращение товарищ корреспондент Нине очень приятно, и она пытается придать себе более солидный вид. Но куда там! Ветер треплет темные колечки ее кудрявых волос, выбившихся из-под пестрой газовой косынки. Раскрасневшее лицо с широко открытыми глазами больше напоминает лицо школьницы, чем солидной журналистки. Однако Нина смело вступает в разговор о колхозных делах. Но едва беседа начинает налаживаться, в крышу кабины громко и нетерпеливо стучат. Шофер нехотя тормозит.

— Что случилось?

Из кузова на дорогу легко спрыгивает vysokий человек в заплясанных туфлях и выгоревшей на солнце гимнастике.

— Чет знает что! — ворчит он и разминая ступни прямо в кукурузное поле. — Разве это кукуруза?

Шофер тоже выходит из кабины и следует за ним. Кукуруза на этом участке сильно отличается от соседней. Она вся заросла сорняками.

— Чей это участок, не знаете? Кажется, второй бригады?

— Да, какжись, Пахомова...

Нина, обижаясь тем, что на нее даже не обратили внимания, резко толкнула дверь кабины и, перепрыгнув через канаву, как на грех, оступилась и подвернула ногу. Прихрамывая, она идет теперь, с неприязнью поглядывая на высокую фигуру своего посетителя. Это Константин Петрович — секретарь по зоне Лесной МТС. Сегодня утром в райком, познакомившись с ее командировкой и намерениями, первый секретарь, как ей показалось, слишком небрежно и на ходу сказал: — Ну вот, Константин Петрович, поручаю

Рисунок Ю. Ракутина.

тебе товарищ из газеты. Захвати ее с собой в «Красное знамя», пусть обязательно познакомится со школьной кукурузой. А дальше, я думаю, мы столкнемся».

Константин Петрович мельком взглянул на нее, кивнул головой и тут же горячо заговорил с секретарем о каком-то Павлове, о неправильной сподке по валодом за месяц.

— Ох! — громко вскрикнула Нина, припадая на большую ногу.

Константин Петрович обернулся и замедлил шаг.

— Что, ушиблись? — неожиданно озабочено спросил он.

И Нина вдруг увидела, что у него совсем молодое, хорошее, загорелое лицо и удивительные, на редкость чистые серые глаза. А когда он помогал ей вернуться к машине, она чувствовала, какие у него крепкие, надежные руки.

— Да, началось так... А потом?

Главным в течение этой необыкновенной недели было ощущение замечательной полноты жизни.

Записная книжка Нины быстро наполнилась наблюдениями, цифрами, фактами. Хотелось запомнить все: и седого директора школы, перед которым снимали шапку все, от мала до велика, и худенького парнишку, загорелого до черноты, Матве Колосова — лучшего колхозного пастуха, писавшего влюбленные стихи, и нового председателя колхоза из тридцатитысячников, сутулого пожилого человека, который, не повинная голова, агония в пер в неравном...

На первых страницах записной книжки встречались имя и Константин Петровича. Но потом оно исчезло, исчезло потому, что невозможно было вставить в беглые строки то удивительное, что сочеталось теперь у Нины с этим именем.

Когда началось то необычное чувство близости, необоримого влечения, которое росло в них обоим? В тот ли день, когда они обжались вместе дальше дуга и Нина пьяная от упругого ветра и густого аромата трав и цветов? Или в тот вечерний час, когда они сидели у шалаша и дружно черпали деревянными ложками уху из большого черного котла?

Между тем даже самые наблюдательные люди не приметили бы в их разговоре никакого намека на проявление чувств. Первое время Нина вообще стеснялась разговаривать с Константином Петровичем, болтала какинибуду неосторожным вопросом выдать свои несовсемленные и от этого чувствовала себя скованно.

Однако человек, который оказался ей вначале грубоватым, относился к ней на самом деле очень внимательно. Он предупреждал ее вопросом и как бы между прочим рассказывал ей именно о том, что ее больше всего интересовало. Лед постепенно таял, и Нина стала чувствовать себя свободнее. Нет, ли о чем личном они не говорили. Но даже когда разговор шел об уходе молока и силосе, о новом телатнике и подвесной дороге, Нина неожиданно замечала на себе его пристальный взгляд, заставлявший ее опускать ресницы.

Кровь медленно зальвала посмуглевшие на солнце щеки, розовую мочку уха, шею, открытую легким пушком. А в следующую минуту Константин Петрович отворачивался или начинал говорить подчернуто сухо, и Нина горько упрекала себя за неумеренное воображение.

Она была красива и знала об этом. Еще в школе мальчишки сорились из-за нее, и когда играли в «пучку», она получала больше всех записок с многозначительными посылительными знаками и мимолетными. Ей нравилось опускать свою пальцы над мальчишками. В университете у нее тоже не было недо-

стка в тайных и явных поклонниках. Иногда ей казалось, что и она влюблена, но это состояние длилось недолго и на поверку оказывалось самообманом. В общем, жила она до сих пор как-то легко и весело, котечкина больше по привычке, чем с целью, уверенная в силе своего обаяния.

Но теперь перед ней находился человек опытный, зрелый. Рядом с ним она выглядела беспомощной девочкой и все-таки беспомощным инстинктом ощущала, как тизисом к ней этот сильный человек, и где-то в самой глубине сердца еще бесосознательно росло в ней желание увидеть его покоренным...

Вот он шагает по полю в неизменной выгоревшей гимнастерке. Из-под фуражки с вышитым оловянным вымпалом выглядывает прядь, взгляд, как всегда, наслупенный, губы сжаты. Но стоит ему свернуть своей ярок, безубойкой улыбкой, как все лицо становится совсем другим — молодым и открытым.

Красоту и обаяние этой улыбки понимает, слышит не одна Нина. Женщины, собирающиеся утром на колхозном огороде, замечают Константина Петровича, поднимаются а рост:

— Петрович! Зайди-ка, отведай нашего огурочка-то.

Как-то он появился здесь вместе с Ниной, и она не могла забыть, как взошел он через грядки, до Нины донесся низкий, грубый шепот:

— Ишь, какую крало подцепил наш Петрович!

Ладно язык чешать, Марья, — вмешался кто-то — не на худу отпустил. Будет не иначе, что у них уже с Клавою Михеевой все обговорено.

Нина искоса глянула на Константина Петровича: слышал язык нет? Нет, видно, не слышал. Или не хочет показывать вид? А она не могла скрыть удивления. Она не могла. Мысли ее упорно возвращались к услышанному: «Клава! Кто эта Клава? Какую она?»

А дни летели, и каждый из них был до предела насыщен впечатлениями. Константин Петрович ушел два дня в какой-то дальний колхоз. Для Нины наступил период отъезда, а она не возвращалась. Может быть, все так и окончилось бы смутным, неопределенным волнением, если б не дождь...

Да, дождь... Но как это было? С утра Нина откровенно за соседнюю деревню побывала в детском саду, а поблизоте. В тот день было очень жарко, у нее разболелась голова, настроение упало. Она уныло брела по пыльной дороге. Здесь и нагнал ее эмитический экипаж, и сильная рука закрутила ее на ходу в машину.

У Константина Петровича явно было уставое и озлобленное, но когда он подсаживал ее в машину, она в какой-то мгновение успела ловить искру нежности в его взгляде.

— Вы не соберетесь в райцентр? — робко спросила Нина. А он, пора уже возвращаться. — Я собираюсь завтра утром, — нахмурился Константин Петрович. — Но, впрочем, могу и сегодня, только к вечеру. Сейчас мне нужно в колхоз «Красные всходы»... Иначе придется дождаться завтра, а это тоже не вредно будет туза заглянуть. Видно, что и я, как и поля, только положительный материал собирала. А у нас ведь и тени нетуется.

Константин Петрович вдруг положил крепкую горячую руку ав ее плечо и коротко сказал:

— Решено! Едем в «Красные всходы», а отуда в район.

Встретив в поле партера колхоза, Константин Петрович вышел из машины, пригласил с собой Нину, а машину отпарил в деревню.

Вечером. Погода неожиданно испортилась. Небо заволочило тучами, начал накрапывать дождь, похолодало. Усталая и ознобная, Нина поспешивала в своей легкой jacketке и умоляюще поглядывала на Константина Петровича. Но тот, поглосивший разговором с соседом, словно забыл о ее существовании. Разговор был крупный. Речь шла о снижении уровня моголо, о сриве плана закладки сидоса... А дождь усиливался... Только тогда Константин Петрович обернулся к Нине.

— Э, да вы совсем выжмете! Пошли скорее к машине.

Машина стояла у сельсовета, а они находились далеко за окопешей селом. Нина в легком босиком бежала по раскисшей дороге, скользя по грязи. Константин Петрович набросил на ее плечи свой плаждж.

— Что вы, не надо! — смутилась она.

Но он решительно отвел ее руку.

— Ладно, ладно. Со мной ничего не будет, а зря тебе отвечать придется.

В сельсовете было пусто и неуютно. Дрожая, Нина опустилась на табуретку, а Константин Петрович крупными шагами ходил по маленькой комнате и говорил зло и возбужденно, обращаясь не к Нине, а к какому-то невидимому собеседнику:

— И это называется партер! Не одной своей мысли не имеет, ни одного решения принять не может! У него на глазах растаскивает сидос, а он отворачивается, вроде не выдет. Прямо улитка какая-то!

Он резко повернулся и словно только теперь увидел сжавшуюся и утку Нину. Она, пытаясь согреться, подобрала под себя мокрые ноги.

— Кто же в такой обуви в командировку едет! — укоризненно покачал головой Константин Петрович. — А ну-ка, разувайтесь!

Шофер не был виден. Ни запаха кулабрибуз закусил и отдохнул. Дождь барабанил по крыше так яростно, словно хотел пробить ее насквозь. Нине казалось, что весь прежний мир ее ушел куда-то далеко-далеко и что уже в Москве, на университете, ин инженерно-технических работ, в своих тайных залах, сумерки, тикающие ходики, шум дождя и горячие руки, которые гладят, согревают ее озявшие ноги, и низкий, грубый шепот, неожиданно потеплевший, заволочивший...

Она сидела на табуретке, прислонившись к стене, а Константин Петрович пристроился на каком-то ящике у ее ног. Впервые он заговорил о себе. Она узнала, что секретарем по зоне он работает недавно, что в значю ковком отделении педагогического института. Было произнесено и имя Клавы. Она учительница в райцентре, тоже зоачница. Она и сейчас в городе на сессии, а он будет съезжать позднее, после уборки урожая.

— Хорошая девушка... — задумчиво говорил Константин Петрович.

Она молчала, оценев от неожиданной силы охвативших ее новых ощущений.

В эту ночь Нина долго лежала без сна на уютной и жесткой койке Дома колхозника. Вспоминала она не чувствовала жесткости и не уютности койки. Ей казалось, что она поворачивается и плывет на каких-то темных и магных волнах. И страшно и радостно замридало сердце.

А на другое утро снова стало солнце, было жарко, и только дужи в глубоких колеях на дороге и в тенистом дождевом саду. Секретарь первого секретаря райкома бегали по столу и стенам солнечные зайчики. Нина поочередно рассматривала секретарю о своих впечатлениях, стараясь не упоминать имени Константина Петровича и боюсь, что дрожь в голосе выдаст ее. А когда распахнулась дверь и вошел он, она не могла выдержать взгляда. Она не зная, как встать себе. Но он спокойно поздоровался, сел напротив и опять показался новым — простым, дружелюбным.

Нину удивило, как просто и прямо он сказал ей, когда она собралась уходить: «Подождайте меня, пожалуйста, в приемной. Вы мне нужны».

Да, она ему была нужна! Как ясно это стало ей вечером, когда они встретились в последний раз! Они бродили по тихим улицам маленького городка, больше похожего на село. В радостном возбуждении летела и трепетая, как птица, будто не шла, а летела она рядом с ним, и он время от времени только сжимал ее руку, словно боюсь, что она действительно вот-вот испоркнет и улетит. Глубокая, тихая ночь охватывала их. Земля была дыша, дышал запах спелых яблок, тухлого трава. И постепенно эта удивительная тишина, которую в большом городе никогда не почувствуешь, проникла и к Нине. Ей не хотелось говорить. Молча стояла она у яхитки в тени огромной старой ветлы. С реки донесся

далекий протяжный гудок парохода. «Почему эти гудки всегда так печальны?» — подумала она и немолча сделала слабое движение к Константину Петровичу.

Он протянул к ней обе руки и тихо прилеп к себе. Нина откинула голову, лоя его взгляд, и вдруг горячее дымяще их смешалось.

С каким-то стоном он оторвался наконец от нее, больно стиснул руки и губами, незнакомым голосом сказал:

— Нина... Что ты делаешь со мной!

Она растерялась перед этой этой страсти, охватившей человека, еще недавно чужого ей. Он — такой большой, смелый, суровый, которого она немного побаивалась, — сейчас стоял перед ней, трепещущий, покоренный.

Неожиданно он схватил ее на руки и, прижимая к себе, быстро шагнул по улице.

— Вот так возмужай и унесу. Никому не отдам.

Испуганная и счастливая, она замерла в этом странном глеуе, слыша, как бешено стучит под гимнастеркой его сердце...

Прощаясь, он сказал:

— Я иду к тебе. Помни...

А она? Она ничего не обещала. Ей было хорошо — и се. О будущем она не думала.

Так было. А потом она вернулась в Москву, окунаясь в привычный шумный мир, и ладно забыла, проведенная в деревне, стала казаться ей просто сном. Предаться воспоминаниям было некогда. Началась лекция, кружки, подготовка факультетского вечера, за который она отвечала. Константин Петрович, правда, и присылал письма. Но она была так короткими и сухими, что Нина разозоранно, смолкала его и решила, что отвечать просто нечего.

И вдруг сегодня это неожиданное посещение. Он вошел в комнату так, как будто они расстались вчера, прогитная ей его, широко улыбался. Но эта вся улыбка, которая там, в полях, покоряла ее, здесь словно померкла. И сам он выглядел вовсе не таким сильным и мужественным. Был он опять в гимнастерке, только на этот раз в новой, и ладно забыла, проведенная в деревне, стала казаться ей просто сном. Предаться воспоминаниям было некогда. Началась лекция, кружки, подготовка факультетского вечера, за который она отвечала. Константин Петрович, правда, и присылал письма. Но она была так короткими и сухими, что Нина разозоранно, смолкала его и решила, что отвечать просто нечего.

Константин Петрович пристально взглянул ей в глаза. Нина вспыхнула и опустила пушистые ресницы.

— Понимаю, так и раздельно произнес он. — Я обещал. Тихо?

— Я вам ничего не обещала, — терпеливее, быстро заговорила она. — Вы очень хороший, и нас всепомню! С благодарностью. Вы так помогли мне тогда...

Слова путались и замридали под его пристальным, тяжелым взглядом.

— А все-таки, Нина, я хотел бы знать правду: что это у тебя было — порня, капля? Нина дернула кончик косынки и резко отпарил:

— По-моему, такие вещи не объясняются... Ну, если хотите, да, просто настроение, каприз...

Уже произносила эти слова, Нина знала, что говорит неправду. Но это было дождю. Константин Петрович с серым каменным лицом подошел к ней и почти шепотом сказал:

— Твой каприз разбил счастье хорошего человека. Я говорю о Клаве. Я сказал ей правду, а вы не вернулись к ней. Все. Прощай!

Нина поблелела и подошла руку к лицу. Она выжила от удара. Он повернулся и пошел к двери. В тот же миг ей захотелось броситься за ним, крикнуть, остановить. Но как-то то гордость удержала ее.

И вот он ушел.

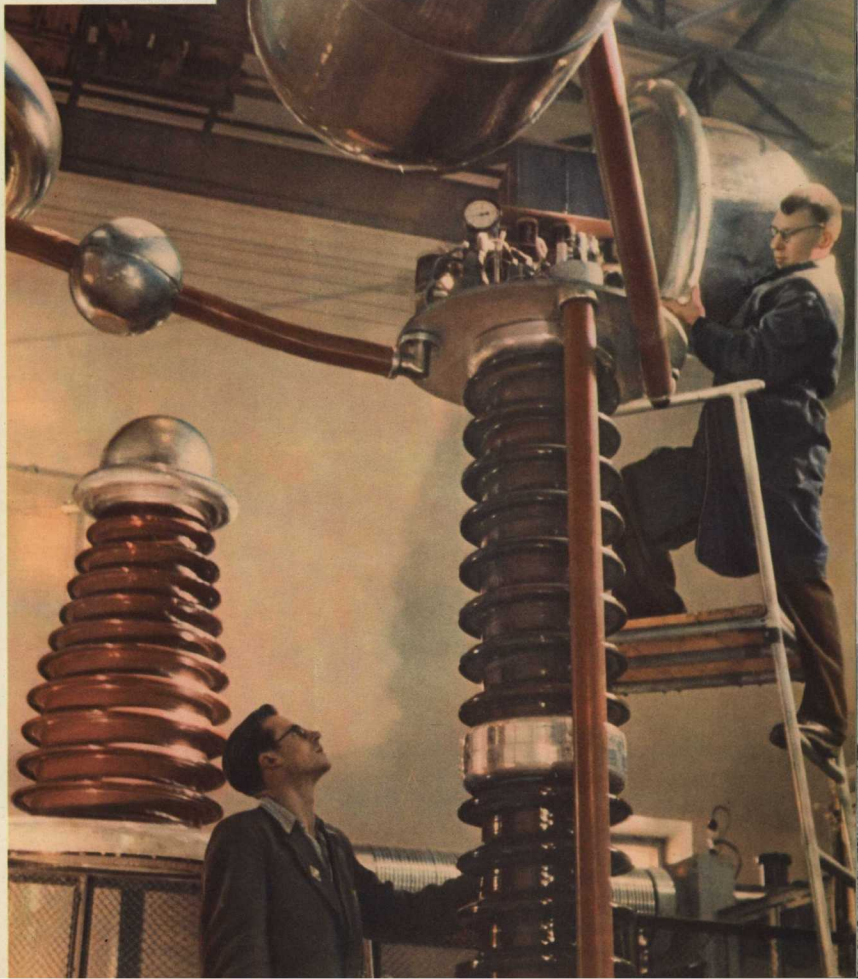
Нина смотрит в окно. Ей видно, как высокая фигура выходит из подъезда и быстро движется по асфальтовой дорожке. Он идет своим обычным размышлстым, уверенным шагом. Нина видит, как он идет, как он осматривает, как он шелкает лямбы пряди, откинутые с широкого лба.

Нина долго смотрит ему вслед и ясно чувствует, как за жизнью ее уходит что-то больше, дороже, точнее, которое, может быть, и не встретится больше на пути.

г. Равнин.

Все более широкое применение находит атомная энергия в социалистической промышленности и сельском хозяйстве, в строительстве и на транспорте. В городе Дубна, Московской области, организован международный научный центр — Объединенный институт ядерных исследований, равноправными членами которого являются двенадцать государств. Институт оборудован новейшими уникальными приборами и установками. На с н и м к е: в одной из лабораторий института.

Фото Д. Рюхина.

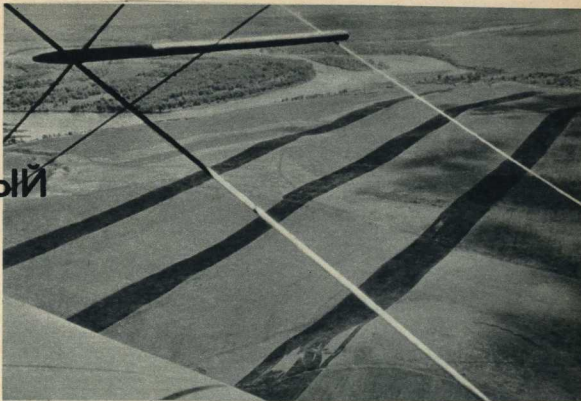

Занимая за плечи легкие рюкзаки, учащиеся школы № 6 города Куйбышева часто отправляются на лыжные походы. С горы на гору навстречу полочному ветру вьются юные спортсмены. А как приятен бывает после быстрой езды привал! И, конечно, штатный фотограф — оставаясь ланча в стороне, не упустит, чтобы не сделать на память хороший снимок.

Фото А. Становой.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ ДРУГ

Так выглядели лесозащитные полосы семь лет назад. (Сфотографировано с самолета.)

Фото Я. Рюмкина.

I

В комнате директора Ижевской МТС, полной изумораженных, шумных людей, возвращался друг тышина: директор объявлял свое решение.

Люди красноречиво перегадывались — возражать было трудно и невозможно: решение было бесспорно справедливым. Оно никто не обижало, но оно же отдавало предпочтение лишь одной бригаде трактористов. Эта бригада в полном составе присутствовала здесь: братья Александр, Николай, Владимир, Юрий, их отец — бригадир Иван Петрович Барышников и член бригады, друг семьи Барышниковых, Василий Калашников. Не скрывая гордости, Иван Барышников поглядывал на «своих орлов» — это были крепкие парни, молодежь, комсомольцы.

— Отвدم есть? — спросил директор МТС. Все молчали. Кто-то сказал наконец: — Таким людям отсюда быть не может. Довредем!

Иван Петрович поблагодарил от имени бригады: — Спасибо за честь.

Тут же директор подписал бумагу и вручил бригаде Барышниковых «комсомольские путевки».

Бригада в полном составе направилась с усадьбы МТС на другую усадьбу — тоже к трактору, но к делу новому, незнакому. Предстояло теверить им, хлеборобам, сидеть и вардничать леса, строить комсомольскую лесную полосу. Прошайте, земляне, зноные поля, прощай, золотое море хлебца, а которому так привычно было встретить зорю утреннюю и вечернюю! Прошайте!

Молодые Барышниковы, собственно, не так уж и тосковали, как это казалась Барышникову старому: в их представлении земля была более широкой, чем ее видел отец. Будут они обрывать реку Янку в красу летнюю, добывать земле урожай. Дело не прыткое, годом не возмнешь: двадцать лет, а то и полжизни отдавать придется. Но зато хорошо-то как!

Жизнь бригады круто переменялась.

II

Реку Урал — древний Янк — звали на Русь. Это была река единственная в мире по тому назначению, которое придала ей люди. Из Янки нельзя было поднимать или отводить куда-либо воду; запрещалось по ней ходить пароходам; переправы устраивались в строго отведенных местах; никто не слышал на Янке выстрела. У устья река заперлась железными воротами.

Янк был определен как река только рыбная, сквижная река. И устанавилось тем все, что могло пугать или беспокоить рыбу. Паласы псал, что крыбная доляя нгде в России столь хорошо не расположена и законами не ограничена, как в элешнем месте. На рыболомно-лесных выставках в Петербурге и Бергене, на всемирных выставках в Лондоне и Чикаго Янк участвовал неизменно. Река давала янкою казачеству три миллиона рублей прибыли ежегодно.

Самая мощная водная артерия на крайнем юго-востоке России, однако, служила людям не только рыбой. Была у нее заслуга несравненно более благородная. Янк — это барьер против суховея, против необоримых степей, источник алмазных рос, хранитель вод в степных колодцах...

Степи опалены зноем. Колелебля в выжженной равнине, идет смерч — жгут леса. Жгут раскаляется, точно металлическое сверло вынуживается в небо, рядом поднимается другой. Меркнет степь, песок сыплется с неба.

Казачья тесяня поет о том, что в степях за Янкою не птицы, а «пески летают».

Чем ближе к Каспию, тем глубже выветривается бив суховея во все живое. И вот уже неистр динца высохших озер; земля потрескалась; тысячные стада сайгаков — антилоп — движутся к Янкою, где еще выпадают утренние росы.

Что было бы, если б померкла дивная хрустальная струя Урала — древнего Янка!

Еще уральское казачество вело на Янке большие работы по лесоразведению, чтобы уберечь реку. Войско имело образцовое лесничество. Но его работы не выходили из любви реки, лесопосадки не поднимались с залитых мест на высокие голые берега, туда, где дули раскаленные ветры.

Людьми, которые решились вынести леса над Янкою, оказались комсомольцы.

В январе 1949 года собралась VI Чкаловская областная конференция ВЛКСМ и объявила, что комсомол Оренбургских степей приветствует решение правительства о лесонасаждениях и «берет на себя обязательство создать силами молодежи лесную защитную полосу по берегам Урала, в направлении Чкалов — Илек». Это означало, что комсомольцы посядут леса на участке государственной полосы длиной в 144 километра, площадью в 4 100 гектаров.

В предвешение пурги двинулся на Чкалова молодежный отряд на лыжах — «собрать землю», разведывать трассу, на которой должны были подняться леса.

Всоду степники душевно встречали отряд. Старейшие колхозники водили молодых топографов по заснеженным берегам древнего Янка, рассказывая историю низких береговых полей. Отряд успешно достиг Илека — нижней границы комсомольского участка полосы, —

перешел на правый берег Урала и начал подниматься вверх по высокой надпойменной террасе, где свиреп сошел ветер. Наконец «собрание земля» было закончено. В одну из ночей разведчики вернулись на исходную точку, в Чкалов. Люди, изурисленные расстояниями, морозами, выгами, были, однако, бодры и воинственны. Задача выполнена! Они принесли драгоценный документ — карту почв обоих берегов Урала — документ, без которого нельзя было начинать работу.

Длинная шестистая карта протерлась на столе секретаря обкома комсомола.

И с этого времени дела пошли полным ходом.

Боле чем двадцать тысяч юношей и девушек начали изучать новое дело — для них была написана и четкая в области учебник по лесоводству, открыты в городах и селах специальные курсы. Поток заявлений от желающих строить полосу хлынул в обком комсомола. И каждый требовал, чтобы его послали первым... Молодежь на заводах Чкалова, Орска, Ново-Троицка, Медногорска, Бузулука и Бугуруслана организовалась в особые бригады, делала все, что требовалось для строительства лесной полосы: земля, лопаты, молоты, скрепки, так называемые «сички Колесова». Номенклатура орудий и инструментов составляла двадцать две тысячи предметов.

Тем временем в парках городов и по долинам речек другие бригады собирали семена. Земля была злотая, и приходилось в степи бедовать. Вот по снежному бездорожью девички тащат на лыжах санки, груженные мешками, — тащат с трудом, и сами ознобились, и обгораны до того, что никакая починка уже не спасет одежду... В пойме речки в кюветы сидят чумаки, законченные дымом ребятишки. У овоза, что командует этим отрядом, шапка обгорела, нос приривек, как та картошка, которую он вымывает из кювета... Это «охотники за семенами». По области они составляли отважную армию в три с половиной тысячи человек.

III

Иван Барышников знал, что при среднем урожае пшеница требует на гектар два тысячи тонн воды; четверть этой влаги почва не использует, а раскаленный воздух при суховеях отбирает не только эту четверть, но и

длинную долю всех осадков. Ненасытенสุขовой, и, кроме янтаря, может противостоять ему только лес: один гектар леса выбрасывает в воздух за год до пяти тысяч тонн воды.

Такова сила леса.
Государственная лесная полоса Гора Вишневая — Каспийское море должна была составлять одну тысячу восемьдесят километров длины, или около пяти тысяч гектаров, у нее значилось шесть миллионов десятин: по три на каждом берегу Урала; каждая линия — шестьдесят метров ширины, между ними промежуток в шесть метров. Замысел был велик и выходя далеко за пределы того, что должен был вынести его на своих плечах.

Иван Барышников старается заглянуть вперед как можно дальше: он дорожил славою бригады, известной в области, и, как человек практичный, критически встречая первые приметы успеха большого дела, он не порывался с основным расчетом в МТС, куда задержав туда в мастерские. И уже поговаривали, что Барышников вернется к хлебу.

Но это была ошибка. Медлительно, шаг за шагом, бригада готовила свою бригаду к труду, к которому было много возможностей. Он смело допускал, что на какое-то время, быть может, довольно длительное, слухи о его бригаде, ее слава должны будут потеряться. Молодые люди мало об этом думали, но Барышников оказался прав: знаменитая лесная бригада оказалась жадной и народом молчаливым. Он не писал газеты, не возмещал «молнии», что выходили на полях в горячую пору.

Бригада Барышников точно сплунула...

Посадка леса на трассе комсомольской лесной полосы началась под Чкаловом.

На берегах Янгу видно виднелся народ, трепетали белые флаги. Стояла холмовая ветреная поляна. Но работы или полных ходов — стучали топкаты, ведро, шумели на мягкой земле и поворачивали посадочные машины; а дальше, где кончался агат зыби, тракторы переворачивали свежую землю. И можно было заметить, как появились на земле некий невинный дымок и как появились на начал работы по берегу. Это были саженцы — лес.

Торжественно приветствуя рождение леса, гремела на обоих берегах музыка.

На полосе работало без малого тысяча юношей и девушек — первая очередь строителей. Много открылось тут для них удивительного, неожиданного — посадка леса оказалась не столь простым делом, как представлялось оно на курсах. Но с первых же дней появились тут свои мастера. Они получили всеобщие признания только тогда, когда строители оказались людьми строгими, требовательными. На левом берегу часто называли имя Валентина Янченко:

— А что сказала Валентина?.. Вы говорили Валентине?.. Делайте так, как сказала она.

Это была девушка из комсомольской организации села Бурей. Когда она шла вперед, все умела. Через три она стала уже бригадиром. Лесники почему-то считали, что она студентка лесного института. Без нее трудно было обойтись.

— Что вы останавливаетесь? — спрашивала она у рабочих зена.

— Тебя ждем, — отвечало сразу несколько голосов.

— Зачем?

— Чтобы посмотрела, ведь это лес!

— У вас все правильно, — отвечала Валентина.

Тогда звеньевой командовал своему войскам:

— Вперед!

И сама Валентина переживала нечто особенное. Большезаглазая смуглая девушка кушталась себя словно бы на праздник. Она не уставала достаточно было поспать час — другой, чтобы снова была готовой к длинному рабочему дню.

Голос ее постоянно звенел, глаза сияли, и в них отражалась весь этот юный, деятельный мир, творивший свое чудо.

На полосе были каждый вечер концерты, выступали тут известные по оренбургским ме-

стам силы. Валентина любила слушать музыку. Но не было ей большего наслаждения, как смотреть на возникающие леса. И она вся дрожала от волнения, словно в ней трепетала и звенела какая-то струна.

Со стороны же казалось — ничего нет особенного. Молодые люди бережно берут крошечные деревья и везут их к машинам возможно скорее, чтобы не заветрились корешки, нежные и матице, поворачивая их молодой комлек. Девушки на посадочных машинах высаживают сеянцы в почву. Рядом с машинами идут бригады юношей, что работают сменами Колосова, двигаются на плечом к плечу. Лезвия мечей сверкают на солнце. Удар в удар, затем два движения — от себя и на себя. Минута — и сеянец-кленок, за ним акация, далее клещинник-бел, березка уже сияет в земле. И похоже, что, насаждая эти леса, люди выводят живой узор на земле.

На правом берегу шел сев дубов.

Тарклеттер лесу. Это было старинная брань, поблескивали они на солнце. Строгим, пытливым взглядом осматривал их лесники. Затем желуди отправляли в бочки с водой. Там их кушали. И вот, потные, омытые, они приносили к лугам, к вешнему жилью.

Все шесть линий полосы цветут косынками девушек, неумолчно гудит. И полоса уже столь длинна, что сомкнулась с горизонтом, поднялась на горбату высоту и будто ушла в небо. Трудится строители от темна до темна. Но вот потаила нестеряя зоря, наступила ночь, и уже звенит смех, звенит музыка в полнотных городках, что раскинулись под луной.

Последними гаснут походные кушни...

Оба берега спят. Не светит лишь «меченосцы». Сверкает под луной их смех; отыскивает земля под сильными ударами — посадка идет беспрерывно, круглые сутки.

И еще не спит одна девушка.

Она стоит неподвижно, окруженная толпой маленьких деревьев, на которые уже пала роса. Кое-где сверкает в свете луны хрустальная капля дивной влаги, сверкает, как крупная, и погасает; мерцают саженцы, как свечи.

Ночь, окружающие предметы, звуки — все отягощено. Это Валентина. Она думает о себе, о матери, что осталась в деревне, о том, что она уже не вернется туда.

IV

Когда скрылась из виду маленькая женская фигура с котомкой за плечами, холмовые дюры всплакнули: Валентина, смелая и верная подружка, ушла. Некому теперь заступиться за них перед животноводческим бригадиром — человеком грубым и наглым. Захатили он большую власть. Фермы стоят далеко в степи, в стороне от дорог, редко звонятся тогда руководители колхоза или люди из района, бригадир хозяйничает безраздельно.

Единственно кто ей боится, так это Валентину. Если б не она, разве он стал бы так

...Все шесть линий полосы цветут косынками девушек... (Снимок 1949 года.)

осторожничать? Уж он бы развернулся не хуже, чем кум-бригадир, у которого и дом новый, и на дворе грузовик, и по бумагам все в порядке. Какие только способы не придумывал бригадир, преталась оказалась неодолимой, комсомолу было не унять.

И вот она сама уступила ему дорогу.

Что там творилось теперь, Валентину уже не тревожило. И когда она вспоминала о своих подругах, о прошлом, то лишь какой-то неясный след пережитого, виднелся ей — так далеко отодвинулось прошлое.

И мя весняная посадка леса на комсомольских участках была закончена. Саженцы заселили землю своей бесчисленной и дружной семьей.

Деревца поднимались и крепили; молодые неугомонные куры хлопотали воле них — шла прополка. На лесной полосе попрежнему было много молодежи. Отработав три дня, смена уходила, ее место занимала свежая смена. Так беспрерывно.

А планетки тракторных бригад, серые, уже выцветшие на солнце, удалялись от города Чкалова все дальше, передвигаясь по обоим берегам Янги. Впереди тракторных бригад шли отряды, идущие на семелеморе, обозначая трассу лесной полосы.

За Илеком, на территории Казахстана, тоже поднялись комсомольцы, и там началась строительство лесной полосы. Это были разные годы и разные времена, но в любое время и покуда не забудется земля, и земляющая леща уже повзвонивала недалеко от горы Вишневой и у самого Каспийского моря. Творилась новая история Янги и степей юго-востока, которые она омывала.

Лес приближался и рос.

Всего пришлось испытать строителям.

Опыт лесоразведения не знал таких масштабов и столь ускоренных темпов. И оказалось, что темпы нестерпимо тяжелы и не согласованы с масштабами. Где-то и почему-то было решено отказаться от общезвестного опыта, отбросить его прочь, поднять всю громаду лесной полосы на новом, непроверенном эксперименте и выращивать только дуб, а другие деревья агатить почти. Все эти нигилизм против законов природы, взыскательность юных плеч, и надо было этим юным плечам не согнуться, вынести на себе и честные заблуждения, и ошибки науки.

Год за годом план строился, проносился ее горизонт. На полосе уже сложился собственный опыт, появлялись его творцы — специалисты, мастера, известные стране.

Лесная полоса уже шумела, уже давала тень.

Поселились там первые птицы.

V

Столо знойное лето. Зрели хлеб.

В сабеньювой, еще «дыривой» тени молодого леса оставались глумиться. Были они люди, видно, дальние, из деткам и деткам в котам, во всем шарбом, промудрившимся на грузовнике с припомом, — большая казавская семья направилась на Каспий, к родственникам. Ехал с нею большая семья человека — Все лицо его куталов повязка, виднелась только белая борода.

— Не помрет? — тревожились девушки из бригады Валентины, окружив шарбова.

Тот же предлагали: — В больницу вези!

За шарбова отвечала старая кашка:

— Отдыхать будем у вас. Не помрет.

Шофер поставил небольшую юрту, девушки принесли воды, и путники легли спать, потому что уже надвигалась ночь.

Инуто большому стало шумно.

Звеньевая первого звена — девушка решительная и сердитая — остановила на шоссе полторку и подъехала на ней к юрте, чтобы взять больного.

Но старая кашка и слушать не хотела. Девушке пришлось отступить. Уходя, она пригрозила:

— Если лес попортите, управу в тюрьму!
— Ладно, — отвечала казашка.
В тот день звенья ушли далеко, юрта скрылась с глаз, и никто не знал, что там творилось.

Валентина появилась на участке на второй день, и девушки рассказывали ей о происшествии, но она уже знала, что больному стало лучше и шофер вынес его на руках в тепь под пахуче топольки.

Теперь он и лежал там на кошме.

— Выживет! — сказала Валентина.

И звенья занялись своим делом — монотонной, изнурительной прополкой, медленно подвигаясь вперед под палящим солнцем.

Четыре дня стояла юрта на обочине лесной полосы, и каждый день бывала в ней Валентина. Скупно рассказывая она своим девушкам о том, что больной — хороший человек, понимающий в лесном деле, более двадцати лет работает над облесением казахских степей, едет в Гурьевскую область тоже насаждать лес.

— А что он говорит про наш лес? — спросила старшая звеньевая.

— Собовет.

— А еще что?

— Достойный, говорит, лес.

— Ну и словосохотлива же ты! — фыркнула звеньевая.

И она сама пошла к проезему.

Это было на заре следующего утра. Путьники трогались в дорогу, юрта была уже собрана, и шофер проверял машину. Большой лежал под топольками. Балзамический запах коры и листьев плавил его, и он ждало дышать. Лицо было попрежнему закрыто.

Он услышал шаги, пошевелился.

— Ну, друг мой, — заговорил он, принимая звеньевую за Валентину, — двигаемся мы дальше, в свои степи. Спасибо! Мне кажется, что меня вынесли за лес!

Он услышал шаги, пошевелился.

— Да, я высказал тебе новый взгляд на лесную полосу Вишневай — Кастий, — продолжал он затею. — Не бойтесь. Начинать двигаться к Вишневой, холдом! Что же боитесь? Вы победили, бесспорно. И вот смело берите верхнее плечо полосы. А Илек что? Вы уже достигли его. Тут осталось лишь заполнить перерывы... Решай! Действуй!

После короткого молчания он заговорил снова:

— Водохранилище у горы Вишневой Яик может наполнять постоянно, без ущерба меженим водам. Но не один, а с помощью лесной полосы. Без нее же он только наполнит водохранилище, но за счет межених вод! Это удар по реке. Я твержу тебе об этом еще раз затем, чтобы вы торопились к Вишневой. Все уцелевшие гигантскими плавнями, и все забывают об элементарном: нет рек нечестивца! Надо спасти Яик.

В это время поднялась старая казашка и что-то сердито сказала больному. Он умолял. А потом ответил по-русски:

— Это ничего. Все они люди достойные!

Шофер поднял больного на руки и унес в машину.

Маленький караван двинулся в путь.

VI

Так и осталось неизвестным, кто был тот больной лесовод. Некоторое время в бригаде Валентина гадала над этим вопросом, строила разные предположения. Но потом все это заглохло. В бригаде появились новые люди, сержант звеньевая вышла замуж и покинула лесную полосу, все изменилось. Назывались даже добровольцы, появлялся первый список их, хотя нигде не было на этот счет никакого решения и в области ничего не знали.

Начало шло от Валентины.

Слова белобородого о том, что надо спасти Яик, не давали ей покоя, звучали в ее ушах. И она передавала их другим, замечая, что и на других они действуют так же. Ни Валентина, ни ее товарищи не могли разобраться в том, какой взгляд на лесную полосу действительно — взгляд Белобородого или тот, что существо-

вал, — но они видели окружающую жизнь, и этого было достаточно.

Давно уже Яик стал заводским, промышленным. Вместе с изменениями в судьбах людей и страны изменялась и судьба этой реки: начал Яик поить великую Магнитку, которая появилась на его берегу в верховьях; Уральский промышленный уез-гигант, включивший в себя десятки заводов, тоже припал к его струе; увеличивающиеся города на реке, новые заводы, промыслы — все брали воду.

Белобородый был хорошо осведомлен. Возле горы Вишневой действительно строилось громадное водохранилище для нужд Уральского промышленного узла, воду должен был дать все тот же Яик, и воду в ершиную, ту, что поплиняет главную струю реки, — матереку воду. Это и был удар по Яику, о котором говорил Белобородый. В голове Валентины проносилось единственное слово, как зов о помощи: «Лес! Лес! Лес!»

Водохранилище еще только сооружалось; можно было успеть явиться туда с лесами и придать Яику пополнительную силу. И тогда он уже без труда наполнит водохранилище и будет питать его постоянно.

Горячие уны провалили все больше решимости.

Наконец комсорг бригады созвал собрание, и тут было принято первое решение идти к Вишневой. Прошли собрания в других бригадах, Валентина выступала там.

Затем волна перекинулась в города.

Новые движение молодежи поднялось. В комсомольских лесах топило и звенело:

— Вишневай! Вишневай!

VII

Если мысленно представить себе тогдашние события на стройке лесной полосы, то все происходящее там можно сравнить с бурным потоком. В этом потоке было много человеческих судеб, имен, и у них была своя история.

Александр Токарев двигался вперед своих товарищей, постоянно обгоняя их на три-четыре нормы. Никто не останавливало его: по несложку дней он сидел без хлеба, потому что перед делом заболитися о горячую; однажды его «точка» оказалась почему-то вычеркнутой из списка, и он не получал даже горючку; затем он попал в список десертуров. Но в какие бы положения ни ставили его снабженцы и учетчики, оказывалось неизменным одно — Александр пахал и двигался вперед.

Это был горячий, хлопочущий человек, и всякого, кто помещался с ним, он встречал бурно: — Теню, учок! Нет ходу! Дайте мне трассу, я ее до Кастия доведу!

Он противился своим сильным ютя вперед, и лицо его, залепленное землей и копотью, выражаясь по-казахски, а глаголю слово бы замыкалось от внутреннего огня. Голос у него был гудкий, трубный, и нельзя было не слушать его: если он не пропикал в сердце, то бил по нему.

У него копичалась трасса, надо было стоять три дня, ждать. Токареву стоять? Он направился к пяду, переправив свой тусенный

Фотограф П. Шведова.

трактор и бочку с горячим на другой берег Урала и падал там три дня, затем вернулся на свой участок, не сказав никому ни слова. А на противоположном берегу не могли понять, что же произошло: площадь более чем в тридцать гектаров оказалась вспаханной, словно с неба свалилась.

Всуду говорили о Токареве, а принципист восторженно определял своего старшего товарища:

— Саян — тракторный артист. Самому же себе Токарев казался далеко не таким, и потому он терпеть не мог поздравлять. Его идеалом были Барышниковы, молва о которых пришла хотя и незаметно и тихо, но зато и осталась среди людей на долгое житье.

Он жаждал встречи с Барышниковым. Илецкие комсомольцы двигались против течения реки, настревая строителям, двигающимся от Чкалова, в числе которых был Александр Токарев. Пространство между ними сокращалось довольно быстро.

Александр подыскал и определил место встречи. Ему хотелось, чтобы она произошла на вершине бугра, откуда открывался замечательный вид на трассу — как три каленых стрел, прорезавшая она пространство и уходила за горизонт. Даже ночью, когда светлая яркая луна, этот кусок трассы был виден в степи, будто черны на серебре.

Барышниковы тоже готовились к встрече с Токаревым, но по-разному: молодежь — с восторгом, сам бригадир — настроенно, с трепетом.

(Окончание следует)

ДРУГАРИ

Текст и фото
А. СКУРХИНА

Летом этого года по железнодоронным магистралям страны зеленой улицей шли на восток заповоля. Откинулись на призыв комсомола, вольные патриоты ехали в Сибирь и Казахстан на уборку урожая.

Широкое патристическое движение комсомольцев привлекло живое внимание их сверстников за рубежом. Сотни юношей и девушек Болгарии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, лучших представителей рабочей и сельской молодежи стран народной демократии, успешно завершив уборочную страду у себя дома, изъявили ижеалание помочь своим советским сверстникам собрать богатый урожай, выращенный на ценимых званьях.

Более шестидесяти членов молодежной бригады «Георгий Димитров» прибыли на центральную усадьбу зерносовхоза «Русско-Полвиский». Это были передовые комбайнеры, трактористы, поводыри трудовых коллективно-земледельческих хозяйств, шоферы ИТС, студенты сельскохозяйственных вузов. Большой путь преодолели болгарские друзья от Софии до Омска.

Прибывших направили на участок третьей бригады. Они хотели было идти пешком, но их остановили.

— Сейчас придет машина: ведь до стана двадцать два километра!

— Я не представляю, что за гигант этот «Русско-Полвиский», если бригада до бригады находится на таком огромном расстоянии — развеяв руками тракторист Парашев Гаулаулов, Герой Социалистического Труда.— И это у вас обыкновенный совхоз?

Да, это был самый обычный совхоз, созданный в 1954 году. Только одной пшеницей в «Русско-Полвиском» засево 36 тысяч гектаров!

— Приехал на стан 3-й бригады, болгары наскоро разбились рядом с вагончиками целинников свой зеленый палаточный городок и энергично принялись за дело: начали сборку двадцати пяти новых комбайнов, присланных специально для них, проверили исправность тракторов. Работа привычная: из шестидесяти двух членов бригады сорок четыре — механизаторы.

Комсомолец Александр Рабинин, недавно демобилизовавшийся из армии, знал и русский и болгарский языки очень хорошо, но никогда не думал, что он так легко познакомится с Иваном Георгиевым — комбайнером из далекого села Каспича, Новопожарской области. Их совместная работа на комбайне скоро зала, что в переводе они не нуждаются.

— Ну как, друг? — обычно спрашивал напарника Александр.

— Добро, другари! — раздавалось в ответ. Быстро летели страдные дни. Скоро в обратный путь в родную Болгарию. Но сколько еще хлеба стоит на корнях! Зерна разнородной молодежи руководитель бригады Христо Асенов связал по телефону с Софией и получил разрешение остаться на целине до окончания уборки урожая.

Славно потрудились болгарские товарищи на полях «Русско-Полвиского»: их бригада, несмотря на затяжные дожди, убрала пшеницу почти с четырех тысяч гектаров. Двадцать болгарских механизаторов получили звание «Лучший комбайнер» и «Лучший тракторист», а каждый член бригады получил грамоту об объема комсомола.

За игуреево комбайна Иван Георгиев

Жарко. От нагретой солнцем земли пахнет вином. Сейчас бы водички или квасу со льдом... Но где в степи найдешь холодильник, чтобы аж зубы ломало, воду? Однако всавай! Теню, Георгиева, звеньевца из Галатчины Вреченско, словно угадав мысли тракториста, спрыгнула с комбайна и пообещала и трактору, Мешая русским и болгарским словам, она говорит: «Другуарь Николае, пить кичеш? Вода морозит в нашем домдкано, бутылки, за- всегда прокладно».

Рядом первыми вешку работой заполнены до отказа. Еще бы! ведь о многом хочется рассказать друг другу, рассказать о родных местах, спеть любимые песни!

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МАРКСИСТ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. Г. ПЛЕХАНОВА)

делиться своими мыслями и чувствами с друзьями и товарищами.

По окончании гимназии Плеханов переехал в Петербург, где поступил в Константиновское кадетское училище. Невольно, талантливого молодого человека охватила Академия Генерального штаба, он мог бы сделать блестящую военную карьеру. Но неожиданно для всех юноша перешел в Горный институт, где вскоре Плеханов сошелся с революционными народниками.

Впоследствии Плеханов говорил: «По своему происхождению, товарищи, я мог принадлежать к числу учителей, я мог принадлежать к слугающим, правдо говорящим, обаяющим ум и ором». И перешел в лагерь утилитаристов, потому что любил страдающую русскую массу, потому что любил русского крестьянина и рабочего.

Вступив в тайную народническую организацию «Земля и Воля», Плеханов разужелся по России, вел большую агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян и рабочих. Преследуемый по пятам царскими шпиейками, Плеханов вынужден был в 1880 году эмигрировать за границу. Ему пришлось жить во Франции, Англии, Швейцарии, Италии. И только через тридцать семь лет, в 1917 году, после свержения самодержавия, Плеханов вернулся на родину.

В эмиграции Плеханов стал марксистом. Отходу Плеханова от народничества способствовали в первую очередь события, происходившие в России: развитие капитализма в стране, рост рабочего движения, крах «Народной Воли». Молодой революционер продолжал углубленно изучать социалистическую марксистскую литературу, вступает в переписку с Энгельсом, а впоследствии лично знакомится с ним.

В 1885 году Плеханов вместе со своими друзьями — бывшими членами «Черного передела», Верой Засуляк, Аксельродом, Дельцем и Игнатовым, основывает первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда».

Группа эта в начале своей деятельности была настолько малочисленна, что противники ее острелили: «освобожденцам», мол, не следует кататься на лошадке, ибо при несчастном случае может пойти на два воя марксистская партия.

Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда» перевели на русский язык сочинения Маркса и Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Наша миссия в капитале», «Развитие социализма от утопии к науке», «Низшая философия», «Людвиг Фейербах» и другие.

Группа «Освобождение труда» составила два проекта программ русских социал-демократов, что явилось, как говорил Ленин, важным шагом в подготовке к созданию марксистской социал-демократической партии в России.

Плеханов сыграл выдающуюся роль в разгрома народнической идеологии. В брошюре

«Социализм и политическая борьба» он в яркой и популярной форме дал боевую развернутую критику взглядов народников, показал, что без политической борьбы и пролетарской революции, без завоевания рабочим классом политической власти нельзя правды к социализму. Народники с негодованием заявляли, что брошюра Плеханова «дезорганизует» революционные силы, что он якобы перешел на сторону буржуазии.

Плеханов ответил народникам книгой «Наша разногласия», в которой фактами и цифрами доказал, что Россия давно уже вступила на путь капитализма, что капитализм проник и в деревню. Отстаивая народническую идеологию, утверждал Плеханов, тормозит революционное движение в России.

Ознакомившись с книгой «Наша разногласия», Энгельс писал: «Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок признала великие экономические и исторические теории Маркса... Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России».

«Основание русской социал-демократии — главная заслуга группы «Освобождение труда», — отмечал Ленин. Плехановская группа способствовала возникновению марксистских кружков в России. Но она не была еще практически связана с русским рабочим движением.

Соединение марксизма с рабочим движением произошло в России позже, в 90-е годы, в период бурного развития массового стачечного движения. То было время, когда началась революционная деятельность В. И. Ленина, основанного в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В лице В. И. Ленина рабочий класс обрел вождя, в котором органически сошлись гениальный теоретик, истинно исторический талант и смелый Ленин авантюра, то что он глубоко обобщила руководящую роль пролетариата в борьбе за победу буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции; разработал теорию империализма и империалистической войны; доказал необходимость организации партии нового типа, которая в отличие от партий II Интернационала способна повести трудящихся в бой за свержение капитализма и победу социализма; ввел в историю философии и социологии теоретические доклады все это, но и практически претворил в жизнь, создав великую Коммунистическую партию, возглавившую в России борьбу народа за торжество идей социализма.

В конце 1894 года Плеханову удалось по неслучайному «Н. Бельтов» легально издать в Петербурге свою книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Туманский заговором книги, ее умалчивали неслучайно, имея, как впоследствии говорил сам Плеханов, было придумано, чтобы обмануть деятельность царских цензоров.

Значение этой книги не исчерпывалось тем, что она нанесла удар по ложным взглядам на историю, которые господствовали в 90-е годы произведений Плеханов да замечательный обзор домарксовских учений о законах общественного развития и с величайшей яркостью раскрыл верность, научную правду и жизнеспособность диалектического материализма — философского учения марксизма.

Оценивая огромное значение книги Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Ленин подчеркнул, что на это произведение целое поколение русских марксистов.

В защиту марксизма, против буржуазной философии и социологии напавшими два небольших по объему, но глубоких по содержанию произведений Плеханова — «О материалистическом понимании истории» и «К вопросу о роли личности в истории».

В этом последнем произведении Плеханов развил важнейшее положение марксизма о природе человеческого сознания, утверждая, что всегда ставит перед собой такие задачи, которые могут быть осуществлены и которые, в свою очередь, определяют составление производственных сил и характером общественных отношений. Плеханов писал, что «идея» — это прос, в чем же заключается ее содержание, выходящее за пределы личности в истории. Он опроверг реакционный, антинаучный взгляд дворянских и бур-

Морозным зимним днем 6 декабря 1876 года в Петербурге, на площади у Казанского собора, собралось несколько сот человек, чтобы открыто заявить о своем возмущении беззачетным и политическим гнетом, царившим в стране. Это была первая в России рабочая противоправительственная демонстрация.

В толпе стоял широкоплечий юноша в плащоманте, не по погоде пальто. Непокорная правда капитанов волос выбивалась из-под стальной фуражки. Вот юноша поднял вверх руку и сильным, светом простуженным голосом заговорил о страданиях угнетенного мужика, о рабочем, который, как вол, работает на хозяина, отдаст ему все свои силы, здоровье, свой ум, свою плоть и кровь, и от него получает смирный и холодный угол да несколько грошей», о Чернышевском, сосланном на каторгу.

Демонстранты подхватили слова оратора: «Смерть царю! Да здравствует свобода!» Над толпой на ветру затрепетал красный флаг с вышитыми на нем словами: «Земля и Воля».

Полцейские бросались разгонять демонстрацию, пытались арестовать оратора. Однако рабочие стойко окружили юношу.

Это был студент Горного института Георгий Плеханов, участник тайного политического кружка. Речь на демонстрации у собора являлась началом революционной деятельности Плеханова — первого русского марксиста, сыгравшего огромную роль в распространении марксизма в России, одного из лучших теоретиков марксизма, стоявшего, как указывал В. И. Ленин, на голову выше многих социалистов Западной Европы и Америки, крупнейшего деятеля русского и международного рабочего и социалистического движения.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября (11 декабря) 1856 года в семье небогатого отставного штаб-ротмистра гусарского полка, умного и образованного человека. Мать Плеханова — женщина передовых взглядов — была племянницей В. Г. Белинского.

Еще в Воронежской военной гимназии, которую Плеханов блестяще окончил (его имя было занесено на золотую доску), у мальчика проявились зачатки будущего пропагандиста. Под влиянием учения Дарвина он стал атеистом. Занимаясь книгами Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, нелегальной литературой, фольклорными стихами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Байрона, Гейне, юноша проникся революционными настроениями и стремился по-

жужжания мыслителей, сбитых, что только «слышные личности» — цари, полководцы, государственные деятели — являются двигателями истории. Плеханов да резко критикуя народнической теории «героев» и «толпы». «Давно уже замечено,— писал он,— что таланты являются всюду и всегда и когда существуют в обычных условиях, благоприятных для их развития». «Блестящие личности, благодаря особенностям своего ума и характера, могут изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами».

Работа Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» не утратила своего значения и в наши дни. Она разоблачает фальшь, поправку тех современных буржуазных учений, которые, отрицая закономерность общественного развития, изводят на нет роль народа как творца истории, безмерно преувеличивают роль «слышных личностей», «вождей». Труд Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» представляет особую значимость в борьбе за преодоление последствий культа личности.

Велика заслуга Плеханова и в борьбе с изменениями марксизма, которые под флагом «социализма», «паросредств», «революции» тех или иных положений великого учения Маркса и Энгельса выхолощивали из него революционное содержание, делали его приемлемым для буржуазии.

Статьи Плеханова внесли крупный вклад в теорию развития международного рабочего движения. В течение многих лет Плеханов был представителем русской социал-демократии в Международном социалистическом бюро — исполнительном органе II Интернационала. Он был активным участником многих его конгрессов. Свою знаменитую речь на учредительном Парижском конгрессе II Интернационала Плеханов закончил словами: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может».

Выдающийся русский марксист оставил много замечательных работ, посвященных Лениному и Чернышевскому. Большой заслугой Плеханова явилось то, что он в своих критических работах раскрыл значение Беллинского как мыслителя и социолога, по-новому, с марксистской точки зрения оценил творчество многих русских писателей — Радинцева, Пушкина, Лермонтова, Чапаева, Герцена, Тургенева, Некрасова, Толстого, Успенского и других.

Плеханов был человеком огромных, почти не энциклопедических знаний. Еще в гимназические годы товарищи называли его «хозяином энциклопедий», «эвондулундн Жоржем». Круг интересов Плеханова далеко не ограничивался общественными науками — историей, философией, политической экономией. Он глубоко знал и любил русскую и зарубежную литературу, архитектуру, музыку, проявлял большой интерес к естественным, технике.

Многочисленная одаренность, острый ум, целеустремленность, большая воля, редкое трудолюбие и организованность — всеми этими качествами был — шепро — наделен Плеханов. Но хорошо известно также и то, что путь Плеханова, как политического деятеля и теорети-

ка, не был прямым и легким. Наиболее серьезные ошибки допущены им в последние пять лет его жизни. Плеханов не оценил и числу руководителей рабочего движения периода «мирного», плавного развития капитализма, периода становления марксизма в России. Он не сумел полностью разобраться в особенностях новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций. К тому же оторванность Плеханова от России на протяжении многих лет эмиграции помешала ему понять те задачи, которые новая эра вынудила перед русским рабочим классом.

И II съезде РСДРП в 1903 году Плеханов еще поддерживал ленинские доводы. Но после съезда, испугавшись раскола в партии, он встал на примиренческую позицию по отношению к оппортунизму, а затем примкнул к меньшевикам.

Во время первой русской революции, находясь под влиянием «перепрекаемых» догм II Интернационала, Плеханов выступил против вооруженной борьбы с царизмом. Позднее, в период империалистической войны 1914—1918 годов, он занял глубоко ошибочную, «оборонческую» позицию.

Оторванность в течение многих лет от родины, от насущных нужд и чаяний русского пролетариата, оппортунистические взгляды на цели и задачи рабочего движения — все это сказалось, и на отношении Плеханова к событиям 1917 года. Вернувшись из эмиграции в Россию, он не нашел своего места в великом освободительном движении народа. Резко осуждая тактику большевиков, взятых курс на пролетарскую революцию, Плеханов не принял и самой Октябрьской революции, ибо, по его мнению, она «противоречила» теории марксизма. Правда, он не вынул настоятельным требованиям меньшевиков и зсеров выступить против революции в печати. Он заявил, что хотя он, Плеханов, и не признает революцию, рабочий класс вправе устраивать свою жизнь так, как сам считает нужным.

Ленин вел решительную борьбу против оппортунизма Плеханова, против его отступлений от марксизма как в области политики, так и в области теории. Однако, учитывая высокую цену Плеханова как основателя группы «Освобождение труда», замечательного пропагандиста марксизма, выдающегося философа. «Его личные заслуги громады в прошлом, писал Ленин в своем письме от 3а 20 лет, 1883—1903, ко да массе преносоднейших сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников». Характеризуя значение трудов Плеханова для изучения марксистской теории, Ленин писал в 1921 году, обращаясь к молодежи, что «нельзя стать сознательным, и а с о я щ и м коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе по марксизму».

Умер Георгий Валентинович Плеханов от туберкулеза 30 мая 1918 года в Финляндии и похоронен в Ленинград, на Волковом кладбище, как он просил в завещании, рядом с могилкой Беллинского. Михаил Иванович Калинин в некрологе, посвященном этому замечательному человеку, писал, что произведение Плеханова «...открывали новый мир рабочему классу, они звали его на борьбу за лучшее будущее, они увидели в ясной, простой, для всех доступной форме идеалы, несомненно верую а конечную победу идеалов рабочего класса они воспитали уверенность, что все препятствия и трудности по пути к этим идеалам будут легко сметены организационным пролетариатом».

Нем является Н. Г. Чернышевский для русских разночинцев 60-х годов, тем же служил и Георгий Валентинович для рабочего класса нашего поколения...

Пусть всегда будет легка его праху, он много пожелал рабочему классу, а жаждал глубокой, некорренируемый оптимизм в сознательные массы рабочего класса нашего поколения».

Советские люди чтут память Плеханова, этого выдающегося сына великой русской нации, которого Ленин назвал одним из самых замечательных представителей передовой русской культуры.

Доцент Л. ЯКОБСОН

Валерий ДЕМЕТЬЕВ

Слеп

Бывало, к ночи вызвала комбат: «Участок разминировать вот здесь», — На карте мне показывал квадрат, Я отвечал ему негромко: «Есть!».

Мы шли то луговой, то асеском, Окопаны, где хлюпала вода. И вот одних стремительным броском За бруствер,

в ночь, неведомо куда.

Шпательные параболы ракет Врезались в темноватый небосвод. И мне казалось: много-много лет, А не мгновенье дается их полет.

Здесь в каждой кочке притаилось смерть,

Здесь кустик каждый на пути проверь. Одинак ошибается сапер!

И если невредно и проходи. По этим, самым гибельным местам, То значит, очень земаю и люблю. И доверил ее простым цветам.

В. ШЕВЧЕНКО

Топограф

Солнце жарко плавится в закате, Зной тяжелый в воздухе разлит... Молодой топограф-саперский. На плечах несет теодолит.

Чуж курчавый выщел у парижки. Не называть, пожалуй, шель волос.

«Сколько лет?» — Да уж шестидесять. — Отвечает он на мой вопрос.

«Вот установил он деодолит Инструмент на выстуне скалам... Вот, приглянул к трубе теодолита, Быстро, точно мерил углы...»

И ворчит: «Мне это надоело — То туман, то дождик, то жара... Пот со лба стираешь то и дело, Пригнать по кручам, как джиган!»

Я подумал: «Парень прот огнати: Немного ему работать тут... Но расшел он ядрот улыбок счастья: «Все-таки люблю я этот труд!»

Там, где я прошел, дорога будет! Там по кручам ляжет через год Новый путь, дельям былыми и людьми Помогая двигаться вперед!»

г. Армавир.

Евгений КУНИН

Песня

День ушел, померид на тропинке, Торопящий путника всегда. И в росе, повисшей на былинке, Высветлела высокая звезда. И в алмазах с чинкою полосе Перельники спать зовут денчат: Развернул баян звонкогосодый Деамобилизационный солдат. Тот притих. Звенит за током голос. Набирают силу голос.

Сочень любит песню новоселы, Что поет бригадный наивали. В ней метели жгучие в палатку По ночам вырвались, свет гася, В ней любовь и свадьбы по порядку — Словом, в песне жизни, совхоза вся. Паровоз гудит на перегоне. Созвон огнями лря ток. И об этом в песне той в вагоне Написал полтавский паренек. г. Куставый.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Избранные философские произведения

ПОЧЕМУ?

1

Я был не в силах с собою справиться,
Смотрел и смотрел на тебя, дивясь.
Мне так хотелось тебе понравиться!
И я подошла, пригласила на вальс.

И вот мы идем по вечерним улицам.
От счастья все время курю, удак.
— Идемте в парк...

Какая ты умница!
Хоть до утра я бродил бы вот так.
И говорю, не придумав лучшего:
— Как рад я встрече!.. А вы? — И я...

Смотрю на тебя — твой взгляд задумчивый,
И чувствую, что-то глаза таят.
— Завтра у вас в институте, к слову...
Но, фразу прервав, ты в тот же момент
Меня спросила:

— Скажите, а кто вы?

И я, смутившись, сказал:

— Студент...

— Завтра у вас в институте вечер...
Глаза опустила,
а я решил:

Значит, сердце требует встречи,
Значит, встречу я заслужил...

Посыл свиданья —
и в девять
и в восемь.
Какое счастье —
жить, любя!..
Завидно польбила

ленинградскую осень,
Потому что осенью
встретила тебя.

2

Прямо скажем, погода неважная:
Вместо апрельского солнца снег.
А ты
В легких туфлях пришла, отавняная,
Улыбаясь снегу,
мне и весне.
Пришла! Согрела меня словами...
И снова счет потерял часам...
— Я о тебе рассказала маме,
И мама тебя приглашала к нам...
Смотрю на ладожский лед.

Картина.

Идет он шумно.
И на ходу
Бьется усталое о льдину льдина.
Тесно споем Ладого Альду.
Так вот и чувству и радости тесно.
Нет, не так это трудно — слова копать.
— Почему ты молчишь?
— Честно!

— Честно!
— Потому, что... тебя люблю!

Слов сокровенных,
чувством согретых,
Я никому еще не говорил.
Сам испытался
смелости этой,

Подумал: «Что же я натворил!»
И ты испугалась, сколько встревожась...
И слышу за жизнь свою в первый раз:
— Я ведь давно... люблю тебя тоже...
А дальше — ты поминишь, — что было у нас?!
Мечты задушевные. Много смеха.
И клятва: всю жизнь плечо к плечу.
— А ты, институт окончив, поехать
Куда хотел бы?

А я молчу.

Молчу. Но молчать уже нету мочи.
Готов провалиться в Неву от стыда.
— Я... не студент... Я простой рабочий.

И неправду сказал тогда...
Ты так на меня посмотрела странно,
Словно не токаря я, а хулиган.
В любви ничего нет страшной обмана.
Но была ли это обман?..

Прощание наше предельно кратко.
И я тебя никак не пойму.
Рука твоя — словно пустая перчатка,
Но почему?.. Почему?..
— Завтра придешь?..

— Ну, если нужно...

Пожалуй... да... А который час?
Ты поняла ли, каким бездушным
Это прощание было у нас?

3

Не пришла...
Этот час, этот вечер был жуток.
Ночь. Хожу по квартире. Не сплю.
Не пришла.

«А прошло ведь не более суток
С той минуты, как ты мне сказала
«люблю».

Для меня
лишь в труде настоящее счастье,
В том, что труд мой товарищам ставят в
пример,

В том, что нынче — рабочий,
А завтра я — мастер,
Послезавтра — уже инженер.
Не хочу говорить:

«Погоди — пожалеешь...»

Может, в жизни удается и счастье добыть.
Да, не спорю, прожить ты, конечно,
сумеешь.

Только... ты не сумеешь любить.
Но довольно. На отдых пора уже неврам.
Надо спать. Утро вечера мудреней.
Нет, не так это трудно — стать инженером,
Стать человеком много трудней.

г. Ленинград.

Мурлидхар Анчарар.

ИСКУССТВО ВОЛНУЮЩЕЙ ПРАВДЫ

К. А. АББАС,
индийский писатель

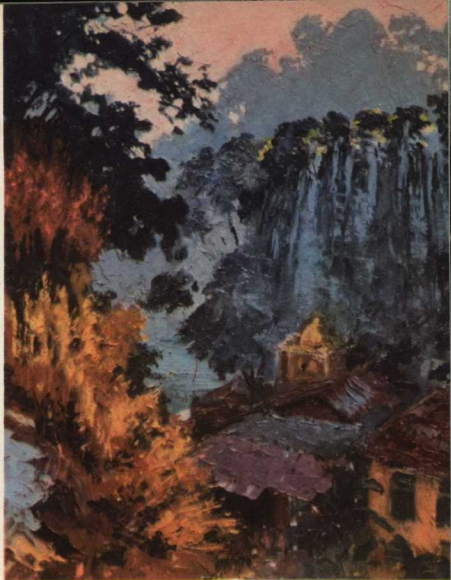
Древнейшие произведения искусства Индии, которыми так славятся Мохенджо-даро, Биг, Аджанта, Элора и Саччи, создавали тысячи лет назад. Но эти чудесные творения продолжают волновать нас и сегодня, потому что и в те давние времена индийские художники жили одной жизнью со своим народом. Они не обитали в башне из слоистой кости, не черпали образы только лишь из своей собственной фантазии, из своего «я», как это делают сейчас некоторые так называемые модернисты в Западной Европе. В древней Индии художник не был ни аристократом, ни арианистом. Лучшее его можно охарактеризовать как тревожное труженика, ремесленника, обладавшего не только удивительно умелыми руками, но и достаточной силой воображения в сочетании с тончайшим чувством красоты. Его произведения предназначались не для частных коллекций меценатов, не для музеев и картинных галерей. Он рисовал и ваял для простого людя, создавал фрески и скульптуры в храмах, которые не только служили местом поклонения богам, но и центром общественной жизни города и деревни. Из-под резца и кисти художников того времени выходили прекрасные изображения богов и божин, героев индийской мифологии, но все они были наделены живыми человеческими чертами. Художник прежде всего ставался верен человеку, реальной жизни. Именно эту славную традицию унаследовал от своих древних собратьев по искусству Мурлидхар Анчарар — один из наиболее известных художников современной Индии.

Не так давно Мурлидхар Анчарар приехал в Москву. Он участвует в создании фильма о великом русском путешественнике Афанасии Никитине, над которым работают советские и индийские кинематографисты. Во время своего пребывания в столице Советского Союза он побывал в Третьяковской галерее, в музеях и театрах. Советские люди, встретившись с ним и видящие некоторые его картины и рисунки, которые он привез с собой из Индии, прониклись к нему уважением не только как к художнику, но и как к скромному, общительному человеку.

Мурлидхар Анчарар является ведущим художником индийской кинематографии. Им созданы декорации и эскизы костюмов к таким известным фильмам, как «Бродяга», «Господин 420», которые знакомы и советскому

Пахарь.

Рассвет.

Стадо слонов.

Влюбленные, собирающие цветы лотоса.

Чайки.

Рисунки и картины индийского художника
М. Р. АЧАРЕКРА.

Цветы.

Портрет племянницы художника.

Парусные лодки.

Танец Радхи и Кришны.

артисто. Сейчас он с огромным увлечением и чувством ответственности воссоздает в эскизах и рисунках Индию XV века, какой она предстала перед Афанасием Никитиным. За эту работу Ачарекар вкладывает много старания и подлинной любви.

Художник изображает преимущественно жизнь простого народа — крестьян и рабочих Индии, с которыми он связан кровными узами с того самого дня, когда, сорвав девять лет назад, появился на свет в одной из жалких трущоб Бомбея.

Еще в раннем детстве Мурилдхар Ачарекар обнаружил недюжинные художественные способности. После занятий в школе мальчик бродил по улицам с куском мела или угля в руках, изображая на тротуарах и на стенах домов то, что ему подсказывала его детская фантазия. Возможно, он унаследовал эту врожденную склонность к живописи от своей матери, которая была родом из деревни, где девушки обычно разрисовывали хитоны яркими и причудливыми красками. Как бы то ни было, но когда ему минуло десять лет, отец (простой конторщик, получающий грошевое жалованье) отдал его в частную художественную школу. Правда, там одаренного мальчика не столько учили основам рисования и живописи, сколько заставляли стирать и смешивать краски...

Первая работа Мурилдхара Ачарекара была принята на выставку, когда ему едва исполнилось семнадцать лет. Уже тогда почти все его картины и рисунки были посвящены жизни рабочих-бедняков, таких же, как и он, обитателей трущоб. Даже впоследствии, обретя славу и материальное благополучие, став известным портретистом и одним из ведущих художников отечественной кинематографии, он попеременно продолжал черпать сюжеты для своих картин из сокровищницы народной жизни, из быта трудовых людей, которые были и остались самыми близкими ему по духу, по идеологии. Художник не только запечатлел на своих полотнах тяжелое положение трудящихся Индии, но главным образом показывал их высокую человечность, духовную красоту и благородство.

Народ воздал должное своему художнику. Ему выплачивали государственную стипендию, и это дало возможность Ачарекару поехать в Лондон и поступить в Королевскую академию художеств. Позднее он много путешествовал по Европе и Америке, посетив все знаменитые художественные музеи мира. Но великое искусство всех стран не ослабило в его творчестве, насколько не ослабило его яркого национального колорита. Чистота линий, щедрая гамма красок и реалистичность того, что изображает художник, по сей день наиболее характерны для него. И все это, конечно, идет от классических традиций индийской живописи.

Мурилдхар Ачарекар всегда восхищался русскими художниками, например, И. Е. Репиным, В. В. Верещагиным, бессмертные творения которых он видел во всем их великолепии в картинных галереях и музеях Советского Союза. Будучи сторонником реалистичной живописи, Ачарекар неодобрительно отзывался о творчестве многих западных импрессионистов. Он считает, что импрессионизм в искусстве является признаком культурного и морального упадка буржуазного общества. Он резко осуждает тех молодых художников Индии, которые подражают этим порочным образцам, забывая о том, какие богатейшие наследия оставили им выдающиеся мастера кисти родной страны.

Мурилдхар Ачарекар как художник поразил не только музеи и театры Москвы, но еще в большой степени привлек в восхищение станции метро и павильоны советских национальных республик на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

В беседе со мной мой друг Ачарекар сказал: «В СССР искусство стало доступно миллионам трудящихся в их повседневной жизни. Принимать радость простым людям, украшать их жизнь — вот в чем я вижу главную задачу художника. Советский Союз показал всему миру пример, распахнул двери тысяч музеев и открыл искусство доступ в широкие массы трудящихся. Я счастлива, что посетил страну, где искусство поистине принадлежит народу».

Перевела Л. МОРОШКИНА.

Жители Роттердама у стоянки крейсера «Свердлов».

КОГДА РАСКРЫВАЮТСЯ СЕРДЦА

ЗАПИСКИ УЧАСТНИКА ПОХОДА СОВЕТСКИХ КОРАБЛЕЙ В ГОЛЛАНДИЮ

В Роттердам мы прибыли в полдень. Чтобы войти в порт, нам пришлось почти целый час плыть по каналу Нюве — Ватервег, по берегам которого за высочайшими земляными дамбами виднелись расположенные ниже уровня моря зеленые поля — поolders, как их здесь называют. Земли в Голландии мало, ее берегут и тщательно за ней ухаживают. Жители страны затрачивают много сил и средств на осушение озер и прибрежных морских районов. Недаром здесь любят повторить меткую поговорку: «Если бог сотворил всю землю, то Голландию создали сами голландцы».

Кода советские корабли — крейсер «Свердлов» и эскадренные миноносцы «Суровый» и «Сердитый» — пришвартовались у причалов Роттердама, то, за исключением

официальных лиц, нас почти никто не встретил. Мы были несколько удивлены этим, но скоро все стало ясно. Голландский журналист господин Кайман так объяснил нам причину такой встречи. Он сказал, что вековая борьба за независимость привучила голландский народ с опаской относиться ко всем чужестранцам, особенно если они прибыли на военных кораблях. К этому объяснению придется также добавить, что, повидимому, сказались и давние годы «колониальной войны», когда буржуазная печать без удержу твердила об агрессивности русских».

Но лучший метод устранения всякого недоверия между народами — личные контакты. Скоро в этом убедились и сами голландцы. Уже через несколько дней после прихода со-

Роттердамский порт.

Амстердам. Памятник борцам Сопротивления на площади Дам.

ветских кораблей в Роттердам все газеты писали, что русские моряки нашли общий язык с голландцами. И это было действительно так. Для знакомства со страной и ее народом нам очень много дала поездка в Амстердам.

Автобус с большой скоростью мчался по широкой автомагистрали. Шоссе как-то незаметно вступило в предместье Амстердама. Мимо замелькали старинные четырехэтажные дома, построенные из обожженного кирпичного кирпича. Такими же кирпичом вымощены набережные, окаймленные могучими вязами, кроны которых порой смыкаются над водой. В городе семьдесят каналов, через них перекинуто четыреста мостов, большая часть каменных, на массивных гранитных башах. Даже главная площадь города — Дам — по существу представляет собой мост, потому что под ней течет канал,

вечный в трубу канала. Возраст этого города можно определить, так же как и возраст дерева, по кольцам, на которые ложатся каналы, опоясывающие Амстердам в несколько рядов. Когда-то они служили защитой от врагов, и город, постепенно разрастаясь, вынужден был окружать себя все новыми и новыми каналами.

В солнечный день вода в каналах малиново-зеленая, и над ней кружатся голуби. Скромнее солнце за тучи — и город, принимая уже совсем иной, строгий вид. Празднично красна Амстердам вечерами. Цепочки электрических огней тянутся по каменной облицовке каналов и мостов, по куполам башен и церквей, по бортам катеров и плавающим цветочным лавкам, припаркованным неподалеку от базара.

Амстердамцы гордятся достопримечательностями своего города. Нам показали самую узкую улицу Амстердама, Тронетер-стид, которая напоминает каменную щель, да человека вряд ли разойдутся на ней. На углу этой улицы помещается здание пивоваренного завода «Виллан Фокинг» с выделенным на фасаде весьма красочным гербом: головы бегемота с громадными свиными носами.

Выдели мы и «Вашко» слеза, на которой, по преданию, женщины оплакивали своих мужей, погибших в море. Старинная легенда рассказывает, что именно поэтому в Амстердаме так много воды.

Но не только слезой старинной славы этот город. На его средневековом гербе начертан девиз: «Героический, решительный и милосердный». Эти слова всегда будут напоминать о славной февральской забастовке амстердамских dockers в 1941 году — первом в оккупированной Европе организованном выступлении против нацизма. Забастовка, проведенная под руководством коммунистической партии, явилась началом борьбы за независимость, против оккупантов.

Ранее де Фрис, сын известного голландского писателя-коммуниста Тейна де Фриса, рассказывал нам историю памятника, установленного на площади Дам в память борцов Сопротивления. Проект памятника принадлежит скульптору Рейдеру, которому, к сожалению, не удалось увидеть свой замысел осуществленным. Скульптор умер незадолго до открытия

монумента. Фигуры борцов Сопротивления, горельеф, изображающий жертвы нацизма, — все призывает голландцев никогда не забывать о том, что независимость страны была завоевана в упорной борьбе.

Пока мы рассматривали памятник, к нам подошел пожилой рабочий с сумкой на руках, а чуть поодаль остановились три женщины. С помощью Рэяна де Фриса мы познакомились. Герман Шлакт, борец Сопротивления, бывший унтер лагеря смерти Бухенвальда, представил нам свою жену Корнелию Шлакт и дочерей Иоганну и Кори — участниц Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Праге. Собралось еще несколько амстердамцев. Дружескими улычками и рукопожатиями они поддерживали общую беседу.

— Мне не забыть этой встречи, — сказал на прощание Герман Шлакт и позирал нам на памятник бронзовым языком Бухенвальда, на котором вытиснены фигуры антифашистов и надписи на немецком языке: «Ваша борьба — наша обязанность».

В тот же день в амстердамском зале Консерт-Гебуу назвал свой гостевой Ансамбль песни и пляски Краснознаменного Балтийского флота. Во время дневного концерта зал на две с лишним тысячи мест оказался наполненным гостями. Здесь, повсюду, оиет сказались последствия «холодной войны».

— Вы должны воодушевиться тем, — сказал участникам ансамбля руководитель отдела культуры муниципалитета господин Крамер, — что этот зал видел много триумфов.

Но вряд ли в этих словах было что-нибудь больше, чем обычная светская вежливость. Нашлись даже скептики, которые предсказывали, что ансамбль балтийцев не будет иметь успеха у местного населения. Но их прогнозы

Памятник Эразму Роттердамскому.

Уголок старого Амстердама.

не подтвердились. Уже в конце первого отделения стало ясно, что матросский ансамбль имеет успех. Мы наблюдали за сидевшими на балконе неподалеку от нас. После каждого номера они делили два — три восклицательных слова. Однако, когда хор зашел на голландском языке песню «Да здравствует море», зрители, уже позави о своей сдержанности, начали горячо аплодировать. А когда солист Ю. Васильевский затянул шутливую голландскую песенку «Жизнь была», то весь зал дружно подхватил припев и затем потребовал повторить этот номер. Заключительными танцевальными сюита «Вечер на реке» неоднократно прерывались овациями. Слух еще об одном триумфе в зале Консерт-Гебуу распространился по городу. На вечернем выступлении в зале не осталось ни одного свободного места. После окончания концерта на сцену вышел бургумистр Амстердама господин Д'ан и сказал:

Ветряные мельницы — неотъемлемая часть голландского пейзажа.

— Я знаю, что военные суда — неприятные вещи, но когда я почувствовал, какой дух живет среди матросов и офицеров ансамбля, то искренне порадовался гостям. Мы можем только приветствовать такой обмен визитами. Ансамбль явился лучшим послом, которого Россия могла послать сюда.

У здания Конвент-Гёбу русских моряков окружали восторженные амстердамцы. Один антрепренер, увидя энтузиазм, с которым публика встречал артистов, сказал, что на концертах ансамбля в течение недели он смог бы заработать целое состояние. Это была своеобразная, но весьма высокая оценка искусства флотских певцов и танцоров.

В воскресенье утром тысячи голландцев заповыли берега гавани Паркхавен и набережную Паркхаве в Роттердаме. По тропу крейсера «Свердлов» один за другим подвигались десятки пятидесятков детей. Их встретил командующий отрядом советских кораблей контр-адмирал Котов. Он пожелал голландским ребятам быть патриотами своей родины, хорошо учиться и никогда не испытывать ужасов войны.

Дети познакомились с нашими матросами, получили от них много различных подарков. Затем прямо на палубе начался концерт ансамбля. Во время этого выступления фоторепондент журнала «Лайф» вдруг бросился к одной из девочек. Оказалось, что у восьмилетней Нелли де Ваал сверстник выхватил оторку с видом Москвы. Девочка заплакала, и американский репортер поспешил запечатлеть это на пленке. Не знаю, поучился ли у него кадр, где из двухсотпятидесяти веселых детских лиц выхвачено одно грустное личико. Но когда Нелли де Ваал получила новый сувенир, улыбнулась, фоторепондент уже спрятал аппарат: улыбающееся детское лицо, поводящему, не интересовало его...

Невозможно забыть встречу с приветливыми и доброжелательными голландцами. Каждый из них выражал свои чувства по-своему. Кто-то из голландцев на берегу заткнул «Дубиншук». Моряки на крейсере дружно подхватили припев. Каждый из нас понимал, что человек, зашедший зптакуюму ему русскую по-

но, несомненно, сделал это из уважения к своим гостям.

В последний вечер нашего пребывания в Роттердаме жители города долго не уходили с набережной.

— Я думаю, что выражу общее мнение, — сказал нам рабочий эсэстрозовского предприятия Бернардус де Грааф, — если скажу: хорошо, что был обмен визитами. Приходите к нам снова.

Крейсер «Свердлов», эскадренные миноносцы «Суровый» и «Сердитый» уходили из Роттердама в середине дня. Время было рабочее, но все набережные города заполнили провожающие. У аванпорта Хук ван Холланд к нам подошел катер, который доставил на борт корабля голландских офицеров связи, домчане, переводчица. Все голландские корабли дали протяжный прощальный гудок, который не был прерван никаким ритуалом.

Готовясь к походу в Голландию, мы прочитали в лодии, что погода в этой стране очень переменчива. Западные ветры приносят из Северного моря туман, обложные дожди, а иногда и наводнения. Но предосторожительно захваченные плащи нам не понадобились. Все пять дней небо над Голландией было прозрачным и чистым.

— Вы прибыли с попутным ветром с северо-востока и привезли с собой тепло, — говорили советским морякам голландцы. И это замечание относилось не только к области метеорологии. Считанные дни находились советские моряки на голландской земле. Срок совсем небольшой. Но когда пришла пора расставаться, мы почувствовали, что увозим с собой на Родину, кроме сувениров, искренне добрые пожелания голландцев — самое драгоценное тепло на земле.

...И вот берега Нидерландов уже превратились в тонкую черточку на горизонте, а моряки еще оглядывались назад. Они как бы вновь видели пердмуртовое небо, высокие шпили зданий и девушку, размахивающую шарфом на меле у Хук ван Холланда, на самом краю голландской земли...

Капитан-лейтенант
К. ГОЛОВАНОВ

Детский утринник на крейсере «Свердлов». У микрофона контр-адмирал В. Ф. Котов.

ГОЛОСА НАШИХ ДРУЗЕЙ

Павел Христов Матев — молодой болгарский поэт-лирик. Родился он в с. Оризаре, Черновицкой области, в 1924 году. Стихи начал писать еще в гимназические годы. Идеи борьбы за свободу народа пронизывают первый сборник его стихов — «В строки».

Творчество поэта тесно связано с жизнью болгарского Рабочего союза молодежи. В горячие годы послевоенного строительства Матев был среди передовиков болгарского движения — движения агитаторов на полях и в индустрии. В 1949 году он вступил в члены Болгарской коммунистической партии. Радостной темой создания посвящен его второй сборник стихов — «Ближе дни».

В 1955 году в свет вышел его третий сборник — «Вдох». Как и в предыдущих книгах, лирический герой сборника полон живучестью и оптимизмом.

Мы печатаем два стихотворения на этот сборник в переводе О. Шестинского.

Павел МАТЕВ

Горю

*Вспыхнут звезды, колы станет темно...
(любимые слова погибшего партизана)*

Я стою у холма, пригнбривенный, —
Ты не выйдешь, к тебе не войду.
Как смогу на земле опаленной
Молодые цветы расцветить!

Разве дол, где трава вырастает,
Струи кроны твоей не сохнут!
Разве сердце твою не стучало
Сквозь ценную толщу земли!

Знаю я, что в минуты такие,
Когда жизнь не сплести еще равно,
Ты припомнил слова давные:
«Вспыхнут звезды, колы станет темно».

Помрачнело в равнинах знакомых,
Но, поверю, что счастье в бою,
Ты ушел из отродского дома,
Чтобы вывонить землю свою.

И погиб, молодой, окрыленный,
В партизанской атаке давной,
Но остался твой голос басовый:
«Вспыхнут звезды, колы станет темно».

Много звезд вспыхло в синие дали,
Чтоб нам жить, и смеясь и любя,
И среди нас они ярко сверкали,
Хоть них я уяцел тебе.

Размышление

Мысли, мысли, что вас пробуждают!
То ли вечный раскатистый гром,
То ли туча, что на небо тает,
Или ветры порыв за оном!

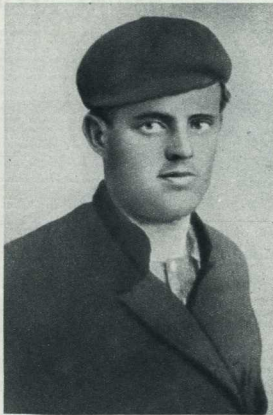
Уронили дожди в беспорядке
Над черешню струи свои.
Так над белою школьной тетрадкой
Льются слезы девичьей любви.

Дождь идет. И черешня смущенно
Майский цвет осыпает во мгле.
Есть старинные в жизни законы,
По которым живут на земле,

По которым черешня весной
Плод растит, белый цвет оброну,
По которым страдаешь с мянотом,
Веря в счастье грядущего дня!

По которым поэту в работе
Надо, словно лунине, сорвать,
Чтобы вспыхнула песня в народе,
Чтобы люди могли ее петь.

МУЖЕСТВЕННЫЙ ТАЛАНТ

Jack London

Н едавно исполнилось сорок лет со дня смерти Джека Лондона.

Ни один зарубежный писатель не впадал в нас в стране таким большим тарялом, как Джек Лондон, и это не случайно. Дух мужества и борьбы, дух бескорыстной дружбы пронизывает почти все его произведения.

Такие романы и рассказы талантливого американского писателя, как «Белый клык», «Мартин Иден», «Железная пята», «Любовь к жизни», «Мексиканец», завоевали всеобщий интерес и признание.

Жизнь Джека Лондона была полна приключений и суровых испытаний. Труд с десяти лет, бродячество, участие в походах безработных, поездка на золотосносную Аляску, куда устремлялись целые толпы обездоленных людей в погоне за счастьем, наконец, упорная, до голодного обморока работа над рассказами — это только отдельные эпизоды его биографии. Продолжительное время Джек Лондон жил в трущобах английской столицы; когда вспыхнула русско-японская война, он оказался первым в мире корреспондентом, проникшим в Корею, к театру военных действий. Позже Лондон предпринял крутое путешествие.

Изучая жизнь и творчество Джека Лондона, я натолкнулся на материалы, которые, как мне кажется, могут заинтересовать наших читателей, тем более, что ни один из них, кроме писателя к Чарльза Кеттрлиджа, на русский язык не переведен.

Публикуемое впервые на русском языке письмо к прогрессивному писателю Клаудею Джеку является ответом Джека

Лондона на одобрительный отзыв Джона о первом рассказе писателя «За тех, кто в пути».

Два других письма адресованы Фредерiku Бэмфорду — активному социалистическому деятелю. Одно из них относится ко времени, когда Лондон находился в английской столице. Его можно было видеть там в поношенной одежде, купленной у старьевщика. Так писателю было легче изучить жизнь рабочих окраин, собирать материал для своей знаменитой книги «Люди бездны». К этому же периоду относятся и публикуемый нами портрет.

Второе письмо Бэмфорду тре-

бует более подробных пояснений. Оно характеризует интерес Лондона к России и событиям, происходившим тогда в стране. Лондон из протестаившей всей жизни проявлял живой интерес к русской культуре. Он читал Тургенева, Достоевского и особенно высоко ценил Толстого. Он преклонялся перед реализмом Горького. Особенно пристально, с напряженным вниманием следил выдающийся писатель за событиями первой русской революции, считая ее началом социалистической революции, идеи которой он пытался распространить в Америке. О России, ее талантливым народе Лондону много рассказывала его близкий друг, русская эмигрантка Анна Струвская. Об одном из ее пылких посланий в связи с бурным развитием событий первой русской революции и упоминает Лондон во втором письме к Бэмфорду.

Письмо Джека Лондона к Бэмфорду интересно еще и с другой стороны. Оно показывает, какими средствами пользовались буржуазные издательства, чтобы зажать рот популярнейшему американскому писателю, к голосу которого прислушивался рабочий класс: они покупали его революционные статьи, чтобы положить их под суако.

Но, несмотря на рогатки издателей, революционное слово писателя доходило до масс. Джек Лондон ездил с лекциями по стране, читал свои статьи и отрывки из произведений. В эти годы им написана пронизанная бевым зитунизмом статья «Революция». Как активного общественного деятеля, Лондона избирали президентом Студенческого социалистического общества, объединившего молодежь многих колледжей и

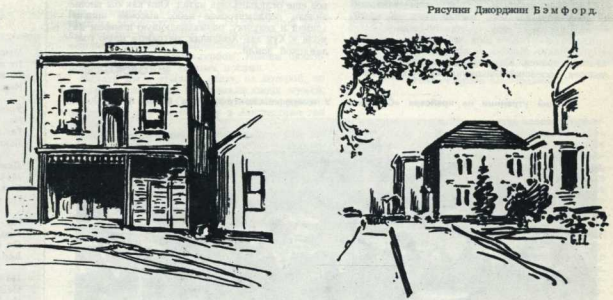
университетов Соединенных Штатов. Нужно заметить, что коммунистической партии в Америке в то время еще не было и социалистическая партия, членом которой являлся Лондон, объединяла самые прогрессивные силы страны. Именно за произведения и деятельность Джека Лондона в эти годы американская пресса травлила писателя и до сих пор неваивает и третьюет его.

Не все в наследии Лондона равномерно. К концу жизни в его творчестве угасли ноты протеста против американской действительности, утратилась свежесть чувств, которая была так свойственна его дарованию. Но Лондон жил своими лучшими творениями. Большой интерес представляет статья председателя исполкома Компартии Великобритании Гарри Поллита, взятая нами из молодежной английской газеты «Чаллиндж». В ней Поллит рассказывает о ольвании «Железной пята» на современников Лондона в Англии, на себя лично и говорит о воспитательном значении романа для молодого поколения.

Книга Джека Лондона вновь и вновь переиздается прогрессивными издательствами. А совсем недавно американский журнал «Юрке» перепечатал статью Лондона «Что значит для меня жизнь», начинающуюся такими гордыми словами: «Я родился в рабочей среде...»

Джек Лондон не только родился в рабочей среде, но продолжает жить в ней своим творчеством, продолжает оставаться любящим писателем трудящихся и всех борюих за свободу, за сильного, смелого человека, презирающего рабство.

В. БЫКОВ

Рисунки Диоррини Бэмфорд.

В этом доме писатель выступал на собраниях социалистов.

Библиотека в г. Ойленде. Здесь часто бывал Джек Лондон.

«Железная пята»

«Железная пята». Какое воспоминание будет во мне эта книга, и как благодарен и обязан я Джеку Лондону за книгу, оставшуюся такой неизгладимой след в моем сознании!

Я прочел ее, как и многие социалисты моего поколения, уже после того, как ознакомился с книгами Роберта Бэчфорта¹. Ее книги давали общее представление о социализме, но они не могли вывести ту жгучую ненависть, которую я тогда испытывал за каждого из рабочих против буржуазной капиталистической системы и тех, кто ее поддерживает, ту ненависть, которая воспитывала «Железную пята».

Классовое самознание рабочих, ненависть и презрение к богачам, беспощадные разоблачения капиталистической системы и тех, кому она помогает извлекать выгоду из разоблачений — все это — паразиты и эксплуататоры — все это вы найдете в «Железной пята».

У всех у нас есть любимые книги, есть любимые главы. И, хотя мне многое нравится в «Железной пята», моя любимая — «Клуб филематов».

В ней описывается, как герой романа социалст Эвергард приходит на собрание капиталистов, выслушивает их рассуждения, их издевки, а когда отвечать доходит очередь до него... Какой ответ! Какими уничтожающими и в то же время яркими словами он разоблачает всю их алчность, ничтожность и ненависть к беднякам!

В ответ на их презрительные замечания, что для человека не дозволено рабочему классу брать все в свои руки и производить товары для потребления и улучшения благосостояния трудящихся, Эвергард разбивает их наголову.

ПЛУБОЧАЯ ВЕРА

Он выражает глубочайшую веру в неизбежную победу рабочего класса над хозяевами и его способность доказать, что социалистическая система, где средства производства материальных благ являются общественной собственностью, но все отношения между капиталистической системой, где средства производства являются собственностью купца богатым делом.

Эвергард рассказывает историю своей жизни с самого детства и то, как он стал революционером. Есть одно место в той части его выступления, которое обращено к общественному капитализму, присутствующему в «Клубе филематов». Я его перечитываю вновь и вновь. Почему бы и вам не разделить то наслаждение, которое испытываю я при его чтении!

Эвергард говорит о жизни, которая раскрывается перед ним, когда он сваял свою судьбу с судьбой рабочего класса:

«Я революционер и встретил возмужавшего сына в человеке, готовую преданность идеалам, радость бескорыстия, самоотвержения и мученичества — все то, что окрыляет душу и устремляет ее к новым идеалам. Живя здесь, была чистая, благородной, живой».

Я общался с людьми горячего сердца, для которых человек,

¹ Бэчфорд — английский журналист и писатель.

ПИСЬМА ДЖЕКА ЛОНДОНА

Июльдулею ДЖОНСУ

27 февраля 1899 г.

Дорогой сэр... Я не в силах рассказать о том впечатлении, которое произвело на меня известие, что вы написали моему другу... Когда я начинаю вещь, я, как правило, не могу сказать, хороша она или ужасна...

В жизни я столько страствовал, что в мои «чужие» дни землерой сохранился огромный проблемы, и мне они так заметны, что я постоянно думаю о них... Кроме того, когда я пишу, я проносиваюсь в такой степени, что наконец прессыщаюсь ею.

Я, во всяком случае, понимаю всю значимость вашего замечания, что я похож на Тургенева. Но у нас так мало общего, не говоря уже о том языке, на котором я занимаюсь в литературе. Кажется, я и Плонини я читал его «Историческое гнездо»: но это единственная его книга, которая мне знакома. Я даже не уверен, так ли она называется. Для чтения так много хороших книг, так мало времени... Иногда это заставляет меня глубоко сожалеть о тех многих часах, которые я потратил на посредственные работы просто за названием лучших.

За Вашу работу я могу Вам только благодарить: она вдохнула в меня новую жизнь и в то же время расставила несомненно шаг на ненавистном пути, который только пройдя много испытаний, понюхавши, изкую оценку жизни. Вы в виду? Набросчик сценария — это моему другу, худшая — самовольное изменение заглавия, оно мне и сейчас неприятно...

Искренне Ваш

Фредерик ЭМБОРДУ

Лондон, Англия 9 сентября 1902 г.

Дорогой Товарищ!

Напишю-то Ваше сердечное письмо в мои ружья. Спасибо.

Вела здесь, в Лондоне — ужасно! И они еще говорят Вам о стоицизме это удачное время и все обеспеченной работой, кроме нетрудоспособности и болезни, которое время, что как выглядит неудачное время, и я представлять себе не могу!

ЭМБОРДУ

15 декабря 1905 г.

Дорогой Друг и Товарищ!

Вместе с этим я возвращаю письмо Анны. Вот это письмо! И еще два письма, что мне можно прислать и ее поздравления Вам.

Революция идет! Она идет! Да, я получил Ваше письмо в Ньютоме (Айова). Чарман сейчас пишет и не могу ответить.

«Новь» заплатил мне 500 долларов за «Революцию». Не знаю, когда они ее опубликуют. Может быть, никогда. Помните, они не могут не опубликовать. Давным-давно «Мак Клар» купил и заплатил мне за «Борис» о максимизме, но так испугались и не опубликовали.

В ближайший четверг я читаю «Революцию» в Гарвардской читальне, а вскоре после этого и буду читать в Нью-Йорке и Колумбии и в Чикагском Университете — все это под покровительством Студенческого социалистического общества.

Потому я буду читать лекцию для местных социалистов в несомненно лучших городах.

Она идет! Она идет!

¹ Статья Лондона. Вышла опубликована только в 1908 году другим издательством.
² Статья Лондона, где он доказывает, что социализм — это не утопия. В издательстве «Мак Клар» ее положили под сукно. Лондон опубликовал ее только семь лет спустя.

Лайн, Оэдлме, Саффорд, Манчестере, Лидсе и Ливерпуле, рассказывал о «Железной пята», а потом, сойдя с ящика из-под неравной воды, начал продавать книгу.

С тех пор я перечитывал «Железную пята» вновь и вновь, и всегда у меня доживалось то же самое непреодолимое желание поступить так, как я поступал в те далекие годы.

Далеко не многие книги производят подобие чувства. Книга Лондона привнесла в мое сердце. Он написал много, все его книги я читал с большим интересом, но «Железная пята» — лучшая, она переживет все и напишавшие ее.

Я рекомендую ее молодежи.

«Моряк в седле»

(Из книги Ирашка Стоун¹)

«...В копье своего рассказа» Джек потрав дельцов Стоктона завидением, что те социалисты в России, которые участвовали в восстании 1905 г. и уничтожили нескольких высокопоставленных царских должностных лиц, являлись его братьями-агентами в исюкнан на ноги и устроили ему obstruction. На следующее утро кричащие заложники разнесли по всей стране весте: «Джек Лондон является дельцом среди своих братьев». Поднялся шум, шум, шум, у него требовали отречения от сказанного, передовым опол-

Ю! Когда я вернулся, у меня найдется, как раз так как Вам о стоицизме с хозяевами общества.

С любовью, Джек Лондон.

ЧАРМАН КЕТТРИДЖ

1905 г.

Дорогая, дорогая Подруга!

В последние дни я почему-то очень много думаю о Вас, и не могу сказать, буду ли думать еще дольше.

О, почему! Буду говорить о духовных и душевных качествах, ибо в этом, во всяком случае, Вы выносите. Вы всегда были отличной сестрой среди Коченно, мне нравилось смотреть на Вас, больше того — я был восхищен! И не столько тем, что Вы говорили или делали, сколько тем, что Вы не говорили и не делали. Вам, именно Вам, Вашей силе, Вашей уверенности, Вашей силе, которой Вы держите меня от себя, тем миром и покоем, которые Вы всегда приносите с собой. Сейчас я еще более твердо, чем год назад, уверен, что мы будем счастливы вместе. Мой разум уверен в этом.

Бог мой! Вы отговаривали! Я люблю Вас за это. Поэтому Вы люблю товарищ. Я говорю о душевной отдачи, что Вы не обладаете другой, менее важной отдачей. Я вспоминаю Вас! Вы плачете, прыгаете, ширяете, и мои руки тянутся к дорожке, чувствую, отчаянно хочу, чтобы душа тянется и его отдаленно.

Моя первая мысль по утрам и вечерам — это думать о Вас, и руки обнимают Вас, а душа цепляется за Вас. Ваш руб.

Чарман Кеттридж

Последний стала женой Лондона.

Я уверен, она заставит вас по-иному взглянуть на вещи, поможет вам понять, что затеают капиталисты в настоящее время и в какой стране они делают то, что происходит за последние дни в Соединенных Штатах Америки. И вы почувствуете неудержимое желание бороться, невзирая ни на какую опасность, если ассят в вашу душу великую веру в людей, с которыми вы работаете и с которыми вы содармы.

Но самое главное: книга поможет вам стать настоящим социалистом, что никто и никогда не сможет уничтожить вашу веру в самую замечательную идею, которая когда-либо вдохновляла человечество, — идею социализма.

Гарри ПОЛЛИТ

чилось на него, одна из газет кричала: «Он подстрелен и красивый арестован, его нужно арестовать и судить за государственную измену». Джек стоил в своем русском революционеры бы его братьями, и ни одна душа не заставила бы его от них отречься.

¹ И. Стоун — биограф Дивена Лондона.

² Речь идет о выступлении Лондона с лекцией в стокиотском клубе и судить за государственную измену. Джек позднее был использован Лондоном в романе «Железная пята».

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Каждая новая книга, посвященная Волге, волгарям, воспринимается всегда по-особому. От каждого произведения, в котором слышится шлепек великой русской реки, как бы востек ее сажим, всегда живым ветером.

Такое чувство испытываешь, читая и новую повесть Виктора Баяншина «Четыре дня на «Соколе». Имя этого писателя, живущего и работающего в Кубышевье, уже широко известно юным читателям по его повести «Весной в половодье».

На этот раз писатель обратился к жизни молодежи — учеников речного ремесленного училища, проходящих практику на волжском буксирном пароходе.

Комсомолец Геня Жучков и Юра Панин появляются на борту «Сокола» в ответственный и сложный момент: буксир получил боевое задание доставить большой грузный плот на стройку у легендарных Жигулей. Ребята сразу же оказываются в гуще интересных, необычных для них дел и событий, они даже немного растерялись перед надвигавшимися на них хлопотами и обязанностями. Но новое дело постепенно целиком захватывает Геню и Юру; они находят свое место в дружном коллективе команды «Сокола», в члены которой, от старого капитана Сергея Васильевича Глушкова до «корабельного козла» Дарбы Тынченко, приняла роль в свою среду и рождала, с искренним желанием скорее помочь им овладеть сложной и почетной профессией речника.

Вот этот процесс приобщения молодежи к самым традициям русского рабочего класса и оказался в центре внимания писателя, и он сумел показать нам, как начали меняться и менять характер ребят. Путь этот не был легким и прямым, и хорошо, что автор изобразил его без прикрас, честно.

Рисуя жизнь коллектива «Сокола», В. Баянкин сумел раскрыть нам судьбы многих людей. Конечно, не все они выписаны с одинаковой рельефностью, кое-что осталось туманным по той причине оттого, что повесть оказалась излишне перенасыщенной героями. Есть тут, к сожалению, и такие персонажи, о которых скажут немногие: мы знаем лишь их имена или фамилии. Таков, например, матрос Валентин.

Почти совсем не удалось автору портретные характеристики. Чужды и изображениям автора — «коренястик, плечастый мужчина»; отец Геня, Терентий Гаврилович Жучков, «землекоп, был пятидесяти, располневший мужчина»; Баласкиев — «худощавый, сутуловатый мужчина»; капитан парохода «Ульянов» Шаров — «пожилой, полный мужчина»... Такое умное однообразие приема снижает впечатление от прочитанного.

Это особенно досадно видеть в повести, где многие сцены ярки и хороши.

Мало времени провели мы среди героев повести, но расставаться с ними уже не хочется. Они привлекают нас прежде всего своей любовью к труду, своей дружбой, помогающей одолеть любые пороги.

В. ТЕЛТЮГОВ

Школа на воде

Минувшей осенью почти весь сентябрь простояла восточная плавательная бассейн Центрального спортивного клуба Министерства обороны был переполнен ребятами в возрасте от семи до двенадцати лет.

— Принимают или не принимают? — Этот вопрос больше всего волновал собиравшихся здесь девочек и мальчиков. Шел очередной набор в детскую спортивную школу плавания. Поплыть было трудно: из десяти желающих брали одного.

Испытания начинались с того момента, когда к разном заткавшим абстрактным выходила старший тренер Вадим Антонович Оболонский. Ребята выстраивались в шеренгу и показывали свои классные движения и продолжали так делать. Если старший тренер обмолвлювал у него-нибудь двойку, то обычно возникала таковой диалог: — Нет, брат, принять не можем! — Так я же не плаваю! — Раньше исправля, а тогда приходи!

Кроме всего прочего, требовались еще разрешения врача и согласия родителей. Но родители большей частью находились тут же. Они не только разрешали, а даже просили принять их детей в плавательную школу.

После предварительного отбора ребята пропускаются через душ и затем попадают в бассейн. Вот оно, это огромное замкнутое водное зеркало, расчерченное белыми полами на водном дном! Его лучше сумеет проплыть хотя бы половину дорожки!

Счастливыми, которых зачислили в учебную группу, slowly стаян рыващихся работ, служат по водным дорожкам, старательно выполняя задания своих тренеров. Те, которые не набрали столько движения ног, держатся за особые доски. А когда придет черед сосредоточить все внимание на руках, небольшой надувной круг будет поддерживать ноги пловца.

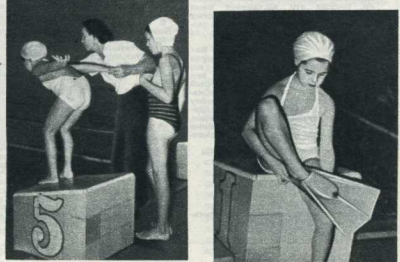
Многие ребята пользуются и резиновыми ластами, помогая им лучше держаться на воде, скользить по ней всем телом, правильной согласовывая движения рук и ног.

Кроме прохлады воды, интересно, увлекательно... Но больше всего боялись пловцы лица «соколовское купание», которое разрешается в конце занятий. Сколько в эти минуты шума, смеховых детских голосов!

В учебной группе мальчишки и девочки овладевают основами спортивного плавания, их приучают как можно свободнее держаться на воде, а потом переводят в другую группу — учебно-тренировочную.

Здесь ребята уже знакомят со всеми видами спортивного плавания, постепенно специализируются в «брассе», «баттерфляе», плавании на спине.

В плавательной школе проводятся всевозможные соревнования между группами, эстафеты, игры на воде. Часть занятий проходит в гимнастическом зале. Здесь устраиваются лыжные вылазки. Юношей и девушек, научившихся

хорошо плавать, переводит в тренировочные группы. Тренерам остается только упрекать и упрекаются. Обычно подростки занимаются в школе до 14—15 лет.

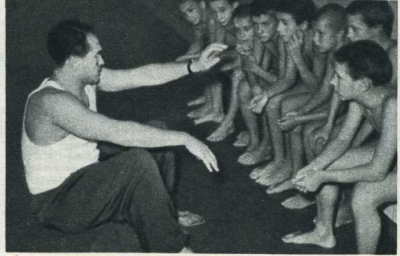
Недавно школа передала в секцию плавания Центрального спортивного клуба Министерства обороны очередную группу своих воспитанников. Среди них очень способные молодые пловцы: Борис Зулин, Денис Павлов, Светлана Назаровна, Галина Казакова, Владимир Масленников, Валентина Завенцова. Все они выполнили норму второго «взрослого» спортивного разряда и близки к выполнению первого.

В этом, собственно, и весь смысл работы детской спортивной школы. Выпускник, едва достигший пятнадцатилетнего лет, уже почти может поднять разряд, и перед ним от-

крывается путь к званию мастера спорта!

Детские спортивные школы плавания существуют у нас всюду, где есть бассейны. Бада лишь в том, что бассейнов у нас пока мало. Но ведь детские школы могут работать и на открытой воде. В летнее время их надо создавать на реках, прудах, озерах... Меланжон найдется.

Ег. ВАСИЛЬЕВ

ВТОРАЯ ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЬ»

Подведены итоги Второй шахматной олимпиады, которая проводилась на страницах «Смени» в начале нынешнего года. Всего в олимпиаде приняло участие более восьми тысяч читателей журнала, в том числе около двухсот коллективов — шахматных кружков и секций предприятий, учреждений, школ, домов пионеров. Большое количество участников олимпиады по сравнению с прошлой годней возросло почти вдвое. Письма приходили из всех союзных и автономных республик нашей страны, а также из Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Китая, Иордан, Монголии.

Интересно отметить, что около тысячи двухсот читателей шахматистов участвовали и в Первой олимпиаде.

В олимпиаде нашло свое отражение рост шахматной культуры нашей молодежи. Многие участники прислали глубоко продуман-

ные ответы и решения, сопровождаемые разнообразными вариантами, аскрированными соперниками той или иной конюшной позиции. Комментарий и партия, как правило, давались в четком, последовательном изложении. Ответы на вопросы были несомненно слабые, особенно у участников из сельских районов. В ряде случаев жюри снижало оценки за небрежное оформление представленных работ.

Редакция приносит извинения отдельным участникам олимпиады за некоторую задержку с ответами на их письма. Это было вызвано техническими трудностями. Мы принимаем к сведению замечания и пожелания, касающиеся организации и содержания шахматных олимпиад, и стараемся учесть их в дальнейшем.

Редакция приглашает всех любителей шахмат, всех читателей журнала, советских и зарубежных, подготовиться к Третьей олимпиаде, которую мы намерены провести в 1957 году.

СООБЩЕНИЯ ЖЮРИ

Всего во Второй шахматной олимпиаде «Смени» участвовало 8 100 читателей журнала. В разделе задач — 7 630 человек, этюдов — 2 960, турниры — 1 710, комбинации — 715, комментирования — 606.

В группу победителей по первому разделу олимпиады вошли 280 человек, по второму — 125, по третьему — 47, по четвертому — 55, по пятому — 37 человек.

Во всем комплексе олимпиады приняло участие 506 шахматистов. Жюри определило, что лучшие работы представлены 30 участниками, набравшими не менее 76 баллов из 100 возможных. Все они объявляются победителями олимпиады. В группу 6 абсолютных победителей вошли товарищи, работы которых удостоены оценки от 87 до 93 баллов.

АБСОЛЮТНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

1-е место (93 балла) — Валентин Гербунов, рабочий-группчик хлебозавода (г. Брест).

2-е место (92 балла) — Назар Роос, слесарный мастер слесарно-перерабатывающего комбината (г. Кокша-Ярва).

3-е место (89 баллов) — Мир Сиварев, студент медицинского института (г. Алма-Ата).

4-е место (88 баллов) — Христо Балакванов, ученик средней школы (г. София, Болгария).

5-е место (87 баллов) — Петр Голотов, офицер Военно-Морского флота (г. Кронштадт).

6-е место (87 баллов) — Иван Ростомашинов, рабочий строительств оросительной системы (г. Тбилиси).

ПРИЗЕРЫ

В группу призеров олимпиады вошли 24 участника, занявшие соответственно с 7-го по 30-е место.

7-е место (86 баллов) — Ниналоя Бирнова, товарищ лесозавода (г. Юва, Ивановской области); 8-е место (84 балла) — Михаил Глеб, студент политехнического института (г. Минск); 9-е место (84 балла) — Эдуард Валчиныч, рабочий завода «Рига» текстиля (г. Рига); 10-е место (84 балла) — Александр Кутергин, инженер машиностроительного завода (г. Омск).

По 83 балла набрали Петр Ануаев, выпускник средней школы (г. Рагзрад, Болгария), и Юрий Пугачев, студент политехнического института (г. Минск). По 82 балла — Эдуард Викман, инженер нефтяного завода (г. Бакуши, Молдавской области), Владимир Гурвич, военнослужащий (Ленинградская область), Владимир Канонич, студент политехнического института (г. Одесса). 81 балл — Владимир Минин, преподаватель истории (г. Чебоксары). По 80 баллов — Владимир Готевцев, техник-лодочник (поселок «Эге Хал», Верхоянский район, Якутской области), и Арман Наркун, студент Института инженеров геологов, аэрофотоистории и картографии (Испания). 79 баллов, набравший Батов

(г. Виробридан, Хабаровского края); 78 балла — Владимир Пугачев, учащийся техникума (г. Орехово-Зуево, Московской области), 77 баллов — Григорий Саевен, инженер-электрик (г. Ленинград), Николай Таругин, торный инженер шахты имени Кирова (г. Ленинград-Мушкетер, Кемеровской области), Алексей Пиванов, доброволец самолетной школы (г. Новоделавская-Амурс), Александр Ирускин, директор школы колхоза имени И. С. Хрущева (Херсонская область), и Григорий Панов, конструктор завода «Северный комсомолец» (г. Вологда). 76 баллов — Нона Саргсун, студент (г. Вильнюс), Лев Пиванов, электрик газосварочного парка (г. Малая-Дубрава, Московской области), Леонид Милехин, секретарь горкома ВЛКСМ (г. Горнозаводск, Сахалинской области), Владимир Альбрехт, ассистент кафедры алгебры университета (г. Томск), и шахматный кружок Калининской средней школы (Литвинская ССР). Состав объявленных участников, абсолютные победители и призеры олимпиады награждаются специальными дипломами и премиями. Победителям по отдельным разделам олимпиады присуждаются дипломы.

Жюри Второй шахматной олимпиады журнала «Смена»: гроссмейстер П. Керес, заслуженный мастер П. Рованский, мастера Л. Абрамов, А. Нистова.

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ

Олимпиада меня очень увлекла. Мне пожелание на будущее: при подготовке к олимпиаде обязательно изучать шахматную литературу в отдельных районах страны и не только на заводском уровне, но и по возможности по сравнению с любительскими олимпиадами присуждаются дипломы.

И. СПИРИДОНОВ, радиотехник с острова Динско.

Участвуя в шахматной олимпиаде «Смени», я узнал много нового и полезного о шахматах. Но все же у меня есть два замечания. Во-первых, хотелось бы, чтобы редакция не только связывала участников об оценке, которой удостоивались их работы, но и готовила допущенные ошибки. Во-вторых, было бы целесообразным ввести раздел составных и шахматных композиций. Это продвигает у молодежи стремление к самостоятельной шахматной творчеству.

Г. САРСЕНКОВ, учитель средней школы ст. Атыбай Амолинской области.

На мой взгляд, олимпиада «Смени» — очень хорошая форма работы шахматного отдела журнала. Такая цельная, комплексная работа привлекает молодежь и постоянным занятием шахматами, лишь несколько трудновата участница олимпиады, пропуская лишь последние дальневосточников и несколько увеличивая срочия присланных ответов.

Д. МИЛЮХИН, секретарь Порованского горкома ВЛКСМ, Сахалинской области.

Олимпиада прошла интересно. Задания были подобраны умело, лишь несколько трудновата участница. Сейчас читаю много шахматной литературы и готовлюсь принять участие в Третьей олимпиаде «Смени».

А. ВРАТНИШКО, военнослужащий при Морского края.

Прошедшую олимпиаду я приветствую. Разобранные задания расширили мой кругозор, заставили перечитать много литературы. Желаю шахматному отделу постоянно «присылаться» на страницах журнала.

В. КОСТИКОВ, инженер Диварульской области, Кустанайской области.

Хочу пожелать, чтобы проведение шахматных олимпиад стало ежегодной традицией. Я как страстный любитель шахмат, от этого очень благодарен редакции за солидно организованную олимпиаду и желаю в дальнейшем уделять еще больше внимания популяризации на страницах журнала шахматного искусства.

В. ГОЛОВИН, молочник колхоза имени Ленина Пыргурского района, Курганской области.

САМЫЙ БОГАТЫЙ КОТ

В одной из ветеринарных больниц города Ашланды (штат Северная Каролина) недавно скончался Пинч — самый богатый кот Америки. Десятидцать лет назад Пинч был еще диким котом, который вследствие после смерти своего хозяина, Колина Лейва изкошил, и Пинч остался единственным владельцем имения. На момент смерти Лейва кот имел равен 50 тысячам долларов, что позволило ему жить в свое удовольствие в отличной ветеринарной клинике. Пинч был зачислен, десятии после смерти Панч в период в монастырь.

КРОКОДИЛ В ТАКСИ

Нетрудно представить себе удивление шофера такси, если бы увидящего охотника, сидящего в его машине, вылезавшего из нее самым настоящим крокодил. А вот венесийский шофер это не удивился. Дело в том, что известный австрайский ученый профессор Роберт Броссер пришел из США в Лондатора по профессу Дикси. Когда профессор и крокодил возвратились в Венесию, крокодил весил всего 56 граммов и рост его был равен 12 сантиметрам. Нью Дикси весит 45 килограммов, длина его — 1 метр 50 сантиметров.

Но почему же мы начали рассказывать о Дикси и его удоминении о шоферах такси? Да потому, что профессор Броссер недавно посетил Дикси на такси и Дунаю, где тот крестил крокодила.

Алигатор, по словам профессора, совершенно не опасен и если чем отличается от домашних животных, так только чрезвычайным упорством. Рыбацкий в такси, если к удивлению прохожих и восхищению рыбацких, оно внезапно высветается из воды машины.

Е. ПЫРЛИН

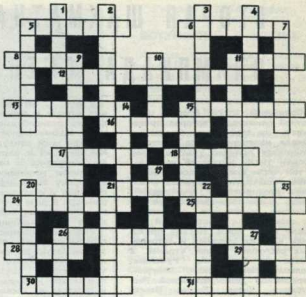
Старые знакомые

Наши читатели, наверно, помнят, что в двадцатидесятом номере «Свеи» на 1955 год рассказывалось о редком случае рождения трех двайт в норок, в Харьковском зоопарке. Многие любители животных интересовались их дальнейшей судьбой.

«Повеление на свет сразу трех двайт доставило немало хлопот работникам зоопарка. Среди вологод или споров, чем кормить зверюшек, какие условия создать для дальнейшей судьбы, стоит ли приучать маленьких хитринок. В конце концов решено было выпустить вольную маленькую искусственно — кормовым и колым милоном через решето. Первый месяц их держали в теплой, мягкой комнате, регулярно обучали выпрашивать. Затем двайт в соответствии со стали выносить на воздух. Несмотря одно двайта отвозили в Москву в известную дроздопитию Ирине Бугарской. «Книга харьковчан» проявил недюжинные способности и дроздопитию. Вскоре, день, когда двайта является на арене цирка. Два

других двайта, оставшиеся в Харькове, продолжают жить в зоопарке. Они настолько привыкли к своим воспитателям Т. Герасовой и К. Стружковой, что в их присутствии догадываются в испугу даже посторонних.

М. РАПОЛОН

КРОССВОРД

Составил С. Кузнец

По горизонтали:

- 1. Народный артист СССР.
- 2. Часть откосного перелета.
- 3. Официально установленная ставка обслуживания охоты, сборов.
- 4. Сила приемлемый для изготовления летательных аппаратов прибор.
- 5. Работник печати.
- 6. Мусажный инструмент.
- 7. Город и порт в Великобритании.
- 8. Ботаническое растение.
- 9. Часть сердца.
- 10. Австралийский континент.
- 11. Сигнальное устройство.
- 12. Человек, владеющий многими языками.
- 13. Первоначальное иностранное слово.
- 14. Составляющие вещества однородных предметов.
- 15. Денежное взыскание.
- 16. Хищное животное из семейства кошачьих.
- 17. Государство в Европе.
- 18. Соединение военных кораблей.

По вертикали:

- 1. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Потоп».
- 2. Система политических или научных взглядов.
- 3. Торжество, а элемент поэтического титла в балете.
- 4. Заметку в газете.
- 5. Губоная вставка.
- 6. Область в Африке.
- 7. Астрономический инструмент для фотографирования Солнца.
- 8. Государство на востоке Азии.
- 9. Толкование, объяснение.
- 10. Старинное металлическое оружие.
- 11. Герой романа Дельта.
- 12. Рыба из семейства осетровых.
- 13. Французский просветитель XVIII века.
- 14. Специальность по романским языкам и литературе.
- 15. Специальность по роду рода.
- 16. Понятие в юриспруденции.
- 17. Плот кучушки и трава.

НОВОСТИ ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

КАРЛИКОВО ФОРТЕЛЯНО

Фабрика музыкальных инструментов штата Нью-Йорк (США) выпустила недавно самое маленькое фортеляно. Новый инструмент весит всего тридцать шесть граммов. Для сравнения узнаем, что обычное фортеляно весит четыре центнера. Харьковское фортеляно легче уменьшено в двести тысяч раз.

Идея такой маленькой инструмент позволило применение новейших достижений в микроэлектронике. Трубки фортеляно заменены тонкими трубочками. При ударе клавишей о трубочку ударная катушка различной высоты, которые могут включаться или ослабляться при помощи специальной электронной установки, выполняющей в новом инструменте ту же роль, что и деревянная рама в обычном фортеляно.

МОСТ-ГИГАНТ

Министерство общественных работ Дании одобрilo план строительства огромного моста, который свяжет два острова — Фюни и Сидель. Длина моста достигнет 25 километров.

Мостогигант будет иметь два «чехла». На верхнем — двухъярусная железобетонная конструкция, на нижнем — автострада, на которой одновременно смогут развлекаться четыре автомобиля.

НОВЫЙ СОРТ КУКУРУЗЫ

Чешские ученые — сотрудники селекционной станции в Лейбе — вывели новый сорт кукурузы, высота которой достигает четырех с половиной метров. Этот сорт ведет свое начало из Рогевни (Адриана). Климент Моравия, когда выводит селекционная станция Иеда, оказалась очень плодотворной для произрастания нового сорта кукурузы, который, по мнению чешских селекционеров, является самым крупным во всем мире.

ТЕЛЕФОН БУДУЩЕГО

Низинер Гарольд Осборн, являющийся одновременно директором Американской телеграфно-телефонной компании, продемонстрировал недавно опытный образец прибора, названного изобретателем «телефоном будущего».

Осборн утверждает, что при помощи его аппарата

можно разговаривать с кем угодно в любой части света. Единственным условием при этом является то, что оба собеседника должны иметь одинаковые аппараты системы Осборна.

Новый телефон легко удерживается на ладоши; помимо переносного устройства, он снабжен телевизионным экраном, на котором собеседники могут видеть друг друга. Изображение передается в естественном цвете.

Осборн назвал новый прибор теледистотелефоном.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

- 1. Винокур.
- 2. Визе.
- 3. Лес.
- 4. Лист.
- 5. Коллегия.
- 6. Колтун.
- 7. Зенит.
- 8. Виль.
- 9. Пелюха.
- 10. Дидро.
- 11. Баку.
- 12. Амандр.
- 13. Балансир.

По вертикали:

- 1. Овен.
- 2. Айтритт.
- 3. Бранск.
- 4. Фрунвич.
- 5. Грек.
- 6. Диня.
- 7. Деян.
- 8. Крисовия.
- 9. Станкович.
- 10. Перелет.
- 11. Француз.
- 12. Французия.
- 13. Французия.
- 14. Французия.
- 15. Французия.
- 16. Французия.
- 17. Французия.
- 18. Французия.
- 19. Французия.
- 20. Французия.
- 21. Французия.
- 22. Французия.
- 23. Французия.
- 24. Французия.
- 25. Французия.
- 26. Французия.
- 27. Французия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

- 1. Гривен.
- 2. Вологод.
- 3. Королон.
- 4. Зароголов.
- 5. Парич.
- 6. Ковалев.
- 7. Нурок.
- 8. Довод.
- 9. Хор.
- 10. Милит.
- 11. Прокруста.
- 12. Вилитра.
- 13. Охот.
- 14. «Маска».
- 15. Зенит.
- 16. Банан.
- 17. Адам.
- 18. Язык.
- 19. Барнаул.
- 20. Кривизна.
- 21. Кавалерия.
- 22. Директива.
- 23. Сицилия.
- 24. Вратарь.

По вертикали:

- 1. Миносонец.
- 2. Телефон.
- 3. Шипка.
- 4. Роман.
- 5. Водород.
- 6. «Фотомонитор».
- 7. Носовичев.
- 8. Моллюск.
- 9. Влад.
- 10. Восточноевропейское.
- 11. Юбра.
- 12. Прогноз.
- 13. Ариадна.
- 14. Зенит.
- 15. Караван.
- 16. Огневичев.
- 30. Парутир.
- 31. Расвоя.
- 34. Лупин.
- 35. Орнестр.
- 36. Лилия.
- 40. Дидро.

На первой странице обложки: Молодой врач-офтальмолог Наташа Сельванова. Фото А. М. Оленина.

На четвертой странице обложки: После удачной охоты. Фотолюб Н. Козловского.

Главный редактор М. А. Вялчик.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Языкова поля, 28. Тел. Д 3-34-24.

Инд. № 1220.

Закан № 3121.

А 13541.

Подписано и печатано 4ХП 1956 г.

Формат бумаги 70x106мм.

Технический редактор О. Шова.

Тираж 250 000 изд.

1,75 руб. лм. — 4,8 поч. л.

ДЕЛАМИ, А НЕ ФРАЗАМИ БОРИСЬ С НЕПОРЯДКАМИ РАЗНЫМИ!

1
Порцией яда беспечный дядя
угощает ребенка у всех на виду.
Равнодушно на дядю глядя,
комсомольцы мимо идут.
На то, мол, лекторы, чтоб гражданам
рассказать о вреде никотина.
Комсомолец, вида такое,
почему ты проходишь спокойно!
Подойди и скажи в глаза:
«НЕЛЬЗЯ!»

2
В общежитии — красный уголок..
И днем и вечером — замок.
А в клуб не пустят — кроме кино, ребот без билета:
Пришли с работы — заняться нечем.
Случай, зевота из вечера в вечер.
И вот поневоле картами эти ребята —
хлоп да хлоп..
Это снято в общежитии комбината
«Красный Перенос». Комитет комсомола, где ты!
Ждем твоего ответа.

3
«Здоровый быт...» «здорового быта...»
здорового быте...»
Во всех падежах в Ярославле
эти два слова склоняются..
А что на деле!
...Понедя вытрезвитель,
парень пить зарежится.
По дороге домой — павильон «Мороженое»:
дух свишущий такой —
задохнуться можно.
А в «Бакалее» — еще он сильнее.
Из-под прилавка достанут стакашек.
«Будьте здоровы», —
ласково скажут.
«Гастроном» или «Мясо»,
«Рыба» или «Овощи» —
заходи, не стесняйся:
не оставят без помощи.
...Утром зарекался парень
в вытрезвитель, а к обеду снова
тут его увидели.

В райкомах, в горкоме, в обкоме трюхе
у всех возмущенные лица:
«Ну не что это только похоже!
Куда только смотрит милиция!»
А комсомола разве это не касается!
В Ярославле так получается.

Спец. корреспонденты «Дятла»
А. ТОЛМАЧЕВ и А. УЗЛЯН.

гор. Ярославль.

Цена номера
2 руб.

